

РУССКО-ЕВРОПЕЙСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ ЭПОХИ ПРЕДРОМАНТИЗМА

(Обзор зарубежных исследований)

Классицизм и романтизм в литературе и искусстве воспринимаются нами как две противоположные друг другу системы идейно-художественных явлений. С одной стороны, — в классицизме — мы наблюдаем обезличенность и рационализм, всеподчиненность «разуму» и «государству», с другой — в романтизме — мы видим всепроникающее личностное начало, интуитивизм, господство чувства над разумом и «идеи воображения»¹ над обобщенно-абстрактными классическими канонами и моделями. Переход от классицизма к романтизму в России, как и в Европе, не мог быть совершен без длительной и тщательной подготовки, не мог быть внезапным и скоротечным процессом. Это была целая эпоха, начинающаяся приблизительно с конца 60-х или с начала 70-х гг. XVIII в. и охватывающая затем весь конец XVIII и начало XIX в. Историки литературы называют этот период эпохой преромантизма или предромантизма. Предромантизм как литературоведческий термин применительно к европейским литературам XVIII в. встречается во французской науке о литературе уже в первом десятилетии XX в. в работах Поля Азара² и Алексиса Франсуа³ и особенно у Даниэля Морне⁴ и литературоведов его школы (А. Монглон, П. Трари, К. Вайс, Р. Унгер). Этот термин употреблялся в том случае, когда необходимо было указать на те литературные факты или тенденции, которые не соответствовали строгим канонам и нормативной поэтике классицизма. Под предромантизмом исследователи обычно понимали сложный комплекс явлений и тенденций в развитии литературы и искусства XVIII—

¹ Engell J. The creative imagination: Enlightenment to Romanticism. Cambridge (Mass.); London, 1981.

² Hazard P. Tendances romantiques dans la littérature de la Revolution. — Revue d'histoire littéraire de France, Paris, 1907, vol. 14, p. 555—558.

³ François A. Romantique: le mot et le sentiment au XVIII-e siècle. — Annales J.-J. Rousseau, Paris, 1909, vol. 5, p. 199—236.

⁴ Mornet D. 1) Un «préromantique». Les «Soirées de Melancholie» de Loaisel de Tréogate. — Revue d'histoire littéraire de la France, Paris, 1909, vol. 16, p. 491—500; 2) Le romantisme en France au XVIII siècle. Paris, 1932 (работа написана в 1912 г.).

начала XIX в., которые предшествовали романтизму как целостному литературному направлению; нередко при этом предромантизм противопоставлялся Просвещению как новое старому, отжившему. Такое противопоставление, как показал исследователь из ГДР Винфрид Шрёдер,⁵ имеет издержки, так как игнорирует связи между развитием литературы и ходом объективного исторического процесса. Ведь было бы неверно истолковывать «чувство» как нечто «иррациональное», противостоящее «разуму» просветительской философии. Русский сентиментализм, например, имеет тесную связь с просветительским движением, критерий «разума» является одним из краеугольных камней его эстетики наряду с критерием «чувства». Доказательству этого тезиса посвящены работы немецких исследователей Хельмута Грассгофа, Аннелизы Лаух и Ульфа Лемана.⁶

Прочному введению в научный оборот термина преромантизм или предромантизм мы обязаны голландскому литературоведу Полю Ван Тийгему, выступившему в конце 10—20-х гг. XX в. с рядом специальных статей и книг. Первая из них — двухтомный труд «Оссиан во Франции» — вышла в свет в 1917 г.,⁷ последующие появлялись в журналах и сборниках и затем были объединены в двухтомный труд под названием «Преромантизм. Этюды по истории европейских литератур».⁸ Его содержание раскрывается в следующих проблемных главах: «Понятие истинной поэзии в европейском преромантизме» (у швейцарского историка и этнографа Поля Анри Малле, у французского писателя-энциклопедиста Дени Дидро, английского поэта Эдварда Юнга, немецкого мыслителя Иоганна Готфрида Гердера и писателя Иоганна Вольфганга Гете), «Открытие мифологии и древняя скандинавская поэзия», «Оссиан и оссианизм в XVIII веке», «Поэзия ночи и кладбищ», «Идиллия Гесснера и пасторальный сон». Предромантизм в понимании Поля Ван Тийгема и его школы — это нечто большее, чем просто литературное направление или стиль. Это переходной период между двумя эпохами — классицизма и романтизма. По Ван Тийгему, преромантизм возникает тогда, когда классицизм покидает пределы Франции и типичный стиль классицизма, пере-

⁵ Schröder W. Die Präromantiktheorie — eine Etappe in der Geschichte der Literaturwissenschaft? — In: Weimarer Beiträge. Berlin, 1966, H. 5—6, S. 723—764.

⁶ Grasshoff H. 1) Zur Rolle des Sentimentalismus in der historischen Entwicklung der russischen und der westeuropäischen Literatur. — Zeitschrift für Slawistik, Berlin, 1963, Bd 8, H. 4, S. 558—570; 2) О роли сентиментализма в историческом развитии русской и западноевропейской литератур. — В кн.: Славянская филология: Материалы от V Международного конгресса на славистике. Т. 8. Литературоведение. София, 1966, с. 21—22. См. также: Grasshoff H., Lauch A., Lehmann U. Humanistische Traditionen der russischen Aufklärung. Berlin, 1973. Ср.: Кочеткова Н. Д. Русский сентиментализм: Итоги и проблемы изучения. — Русская литература, 1978, № 2, с. 222—230.

⁷ Van Tieghem P. Ossian en France. Paris, 1917, vol. 1—2.

⁸ Van Tieghem P. Le Prérromantisme: Etudes d'histoire littéraire européenne. Paris, 1924—1947, vol. 1—3.

ставая быть национальным стилем, становится господствующим стилем в европейских литературах. Предромантические тенденции — усиление личностного начала в жизни и мировоззрении, разочарованность во всемогуществе разума и окружающей действительности — проявляются в английской литературе 20—30-х гг. XVIII в. в поэтических произведениях Сэмюэля Ричардсона, бюргерской драме Джорджа Лилло, шотландских балладах, собранных епископом Томасом Перси, произведениях Оссиана-Джеймса Макферсона, в «романах ужасов» Горация Уолпола и Анны Радклиф. Об этом писал в 1945 г. В. М. Жирмунский в своей работе «Предромантические течения в английской литературе XVIII века»: «Классической страной предромантизма является Англия XVIII века <...> Английский предромантизм в свою очередь оказал сильнейшее влияние на другие европейские литературы. Это влияние было особенно значительным в Германии, где литературное движение 60—70-х гг., подготовившее расцвет немецкой национальной литературы в лице Клопштока, Гёдера, молодого Гёте и поэтов периода „Бури и натиска“, опирается на пример английского предромантизма. Выходя за пределы литературы буржуазно-дворянского общества, предромантики провозглашают поэзию универсальным дарованием, присущим всем народам и векам и всем общественным классам».⁹

Во второй половине XVIII в. предромантизм начинает свое триумфальное шествие по Франции, Германии, Австро-Венгрии, по странам Восточной Европы и Скандинавии, вбирая везде в себя национальные элементы и приобретая в каждом случае национальную окраску, своеобразный колорит. Так было и в России. Общая тенденция предромантизма, тесно связанного в Европе с бурным ростом в общественной и культурной сферах жизни «третьего сословия», т. е. класса буржуазии, состояла в утверждении чувства как идейно-эстетического критерия подлинной художественности в противоположность разуму века Просвещения.¹⁰

По Ван Тийгему, самое существенное в предромантизме — «истинная поэзия», истоки и модель которой ее создатели ищут не в античности, а у первобытных, не тронутых цивилизацией народов. Отсюда громадный интерес у предромантиков к народной поэзии как к источнику литературного фольклоризма, например у Гёдера.¹¹ Не давая четкого определения, что такое предроман-

⁹ История английской литературы. М.; Л., 1945, т. 1, вып. 2, с. 564—565. То же в кн.: Жирмунский В. М. Из истории западноевропейских литератур: Избранные труды. Л., 1981, с. 149—150.

¹⁰ В работах академика П. Н. Сакулина русский сентиментализм рассматривался прямолинейно, с социологической точки зрения, как демократическое выражение гуманистических интересов средних классов общества. См.: Сакулин П. Н. Русская литература: (Социолого-синтетический обзор литературных стилей). М., 1929, ч. 2, с. 271—337.

¹¹ Подробнее см.: Krefçi K. Zur Entwicklung der Präromantik in europäischen Nationalliteraturen des 18 und 19 Jahrhunderts. — In: Aktuelle Probleme der Vergleichenden Literaturforschung / Hrsgb. von G. Ziegenggeist. Berlin, 1968, S. 230—239.

тизм, Ван Тийгем и его последователи пытались проследить эволюцию «ключевых тем» предромантизма в европейских литературах, куда кроме «истинной поэзии» они относили подражание Шекспиру (шекспиризм), «кладбищенскую поэзию», «пасторальные мечтания» в стихах и прозе, оссианизм и т. п. Некоторые зарубежные исследователи, например чешский ученый Карел Крейчи, полагали, что в эпоху предромантизма существовало много литературных направлений или больших стилей: рококо — модернизированный вариант классицизма, «бидермайерштиль», т. е. бюргерский, очень сентиментальный, с элементами реализма, руссоизм, гесснеризм, юнгианство, вертерианство, оссианизм, гердеризм и т. д. В России отход от канонов классицизма начался с 60-х гг. XVIII в. в романах Ф. А. Эмина. С творчества М. М. Хераскова («Чесменский бой», 1771; «Россияда», 1779) исследователи начинают историю нового литературного направления, которое наиболее ярко заявило о себе в произведениях Н. М. Карамзина и его школы. В дореволюционном русском и советском литературоведении это направление обычно называют сентиментализмом.¹² Что касается содержания понятия «сентиментализм» и его отношения к понятию «предромантизма», то в науке о литературе существует несколько точек зрения. Первым мысль о тождественности двух понятий высказал Г. А. Гуковский,¹³ к нему присоединились Д. Д. Благой¹⁴ и Л. В. Пумпянский.¹⁵ Другие исследователи, например, Н. И. Мордовченко,¹⁶ Е. Н. Купреянова,¹⁷ Н. В. Измайлов,¹⁸ А. В. Архипова,¹⁹ Н. Д. Кочеткова,²⁰ австрий-

¹² Уханов В. Карамзин и Жуковский как представители двух направлений в нашей отечественной литературе — сентиментализма и романтизма. Кострома, 1888; *Гуковский Г. А.* У истоков русского сентиментализма. — В кн.: Гуковский Г. А. Очерки по истории русской литературы общественной мысли XVIII века. Л., 1938, с. 235—314; *Пумпянский Л. В.* Сентиментализм. — В кн.: История русской литературы: В 10-ти т. Т. 4. Литература XVIII века / Ред. Г. А. Гуковский и В. А. Десницкий. М.; Л., 1947, ч. 2, с. 430—435; *Павлович С. Э.* Пути развития русской сентиментальной прозы XVIII века. М., 1974; *Орлов П. А.* Русский сентиментализм. М., 1977, и др.

¹³ *Гуковский Г. А.* 1) Иван Андреевич Крылов. — В кн.: Полн. собр. стихотворений И. А. Крылова. Л., 1935, т. 1, с. 37; 2) Пушкин и русские романтики. 2-е изд. М., 1965, с. 17—23, и многие другие.

¹⁴ *Благой Д. Д.* История русской литературы XVIII века. М., 1945, с. 185.

¹⁵ *Пумпянский Л. В.* Сентиментализм, с. 430 и след.

¹⁶ *Мордовченко Н. И.* Русская критика первой четверти XIX века. М.; Л., 1959, с. 17—56.

¹⁷ *Купреянова Е. Н.* Русский роман первой четверти XIX века. — В кн.: История русского романа: В 2-х т. М.; Л., 1962, т. 1, с. 75. (Ред. тома Г. М. Фридендер).

¹⁸ *Измайлов Н. В.* В. А. Жуковский. — В кн.: История русской поэзии: В 2-х т. Л., 1968, т. 1, с. 238. (Отв. ред. Б. П. Городецкий).

¹⁹ *Архипова А. В.* О русском Предромантизме. — Русская литература, 1978, № 1, с. 14—25.

²⁰ *Кочеткова Н. Д.* 1) Русский сентиментализм: Итоги и проблемы изучения, с. 222—230; 2) Русский сентиментализм: (Н. М. Карамзин и его окружение). — В кн.: Русский романтизм / Отв. ред. К. Н. Григорьян. Л., 1978, с. 18—37.

ский литературовед Р. Нойхойзер,²¹ полагают, что предромантизм и сентиментализм — это два различных явления. Все они соглашаются в том, что предромантизм — это сложное историко-литературное явление, которое подготавливает собой, появление романтизма как литературного направления. Сентиментализм же признается основным литературным направлением, которое пришло в европейских литературах на смену классицизму. Впрочем, между названными выше исследованиями есть и различия в деталях одной в сущности точки зрения. Так, Е. Н. Купреянова полагает, что предромантизм был «неоднородным течением» или даже целым литературным направлением, пришедшим в 1790-е гг. на смену сентиментализму и просуществовавшим до 1815 г. Р. Нойхойзер различает понятия «литературные движения», последовательно сменяющие одно другое — классицизм, сентиментализм, романтизм, и «литературные направления». К последним он относит «моралистско-дидактический сентиментализм» 1750—1770-х гг., нашедший свое выражение в поэзии М. М. Хераскова, романах Ф. А. Эмина, в драматургии, «сентиментальный эстетизм» 1770-х—1815 гг., отразившийся в творчестве масонов, «предромантизм», проявившийся в произведениях Н. М. Карамзина, Андр. И. Тургенева, Г. П. Каменева, Н. И. Гнедича, В. Т. Нарезного и др., и «неоклассицизм» 1800—1825 гг.

В зарубежной науке о литературе большинство современных литературоведов не соглашается с известной точкой зрения Д. И. Чижевского, что господство классицизма или, как он его называл, «барокко» продолжалось в России до самого конца XVIII в. (Державин — последний поэт барокко!) и что классицизм проходит в России две фазы, из которых первая представляет собой «имитацию французского классицизма», а вторая — «имитацию буржуазного классицизма» (с 1790 г. — Н. М. Карамзин?!) и через «чувствительность» переходит к романтизму (В. А. Жуковский, П. А. Вяземский, А. А. Бестужев-Марлинский, А. С. Пушкин).²²

Наиболее значительный теоретический труд, в котором в сжатой форме воссоздана общая картина возникновения и эволюции европейского предромантизма, принадлежит К. Крейчи.²³ Русская литература рассматривается здесь в едином общеевропейском историко-литературном потоке, когда preromantika в своей подав-

²¹ *Neuhäuser R.* 1) Periodization and classification of Sentimental and Preromantic trends in Russian literature between 1750 and 1815. — In: Canadian contributions to the Seventh International congress of slavists. The Hague, 1973, p. 11—38; 2) Towards the Romantic Age: Essays on sentimental and preromantic literature in Russia. The Hague, 1974.

²² *Ciževs'kij D.* 1) History of Russian literature from the eleventh century till the end of the Baroque. The Hague, 1960; 2) Geschichte der Russischen Literatur des XIX Jahrhundert: 1. Romantik, München, 1964; 3) Comparative history of slavic literatures / Translated by R. N. Porter and M. P. Rice. Ed., with a foreword by Serge A. Zenkovsky. Nashville, 1971.

²³ *Krejčí K.* Zur Entwicklung der Präromantik...

ляющей массе сентиментальна, а сентиментализм преромантичен. К. Крейчи убежден, что преромантизм и сентиментализм — два разных понятия для обозначения одного и того же историко-литературного процесса. Н. М. Карамзин и его школа в России, по мнению чешского ученого, — сильный аналог преромантических школ Англии и Франции, чей рост был тесно связан с повышением роли «третьего сословия» в общественной и культурной жизни Европы. Руссоизм и гердеризм К. Крейчи считает двумя ведущими направлениями преромантизма, мимо которых не прошла ни одна из национальных европейских литератур. Преромантизм с его чрезвычайным интересом к народной поэзии и культуре, с его особым вниманием к борьбе человека за свободу, по мнению К. Крейчи, сыграл выдающуюся роль в формировании литературных направлений, стилей и жанров национальных литератур Европы, в том числе и литератур народов Восточной Европы — словаков, балканских славян, поляков, украинцев, белоруссов, лужицких сербов и русских. Крейчи подчеркивает, что в генезисе и развитии таких преромантических жанров восточнославянских литератур, как басня, бурлеск, пародия, травести, героическая поэма, повесть и драма, важную роль сыграли переводы из английской, французской и немецкой литератур. Без обращения восточноевропейских писателей к западноевропейским литературам не было бы и преромантизма.

Американский литературовед Джордж С. Смит подходит к данной проблеме терминологически.²⁴ Он прослеживает историю возникновения и употребления терминов преромантизм и сентиментализм и, не отдавая предпочтения ни одному из них, оставляет вопрос открытым. «Преромантизм и сентиментализм это просто различные названия одного и того же литературного движения», — утверждает Д. С. Смит.²⁵

Одним из наиболее значительных зарубежных трудов о русском преромантизме является монография Рудольфа Нойхойзера «На путях к веку романтизма: статьи о литературе сентиментализма и преромантизма в России».²⁶ Ее автор известен как литературовед широкого профиля, автор серьезных монографий о Н. В. Гоголе и Ф. М. Достоевском. Р. Нойхойзер сосредоточивает свое внимание на сентиментализме и преромантизме как ли-

²⁴ *Smith G. S. Sentimentalism and Preromanticism as terms and concepts. — In: Russian literature in the Age of Catherine the Great: A collection of essays / Ed. by A. G. Cross. Oxford, 1976, p. 173—184.*

²⁵ *Smith G. S. Sentimentalism and Preromanticism... , p. 181—182. Ср.: Erämetsa E. A study of the word «Sentimental» and of other linguistic characteristics of Eighteenth century sentimentalism in England. Helsinki, 1951.*

²⁶ *Neuhäuser R. Towards the Romantic Age... .* Ср. рец. Д. С. Смита в: *Modern language review. Washington, 1976, N 1, p. 239—240; Кочеткова Н. Д. Русский сентиментализм: Итоги и проблемы изучения... , с. 225—226; Левин Ю. Д. Три книги канадских русистов. — Русская литература, 1978, № 3, с. 203—206. Основные положения монографии изложены также в следующей статье: Neuhäuser R. Periodization and classification of Sentimental and Preromantic trends in Russian literature between 1750 and 1815.*

тературных направлениях, сменяющих одно другое в конце XVIII в. Он вовсе не касается проблем века Просвещения, считая, что они относятся к общекультурным проблемам и на литературу не влияют. «Очерки этой книги, — пишет автор, — не являются историей литературы в смысле описательных исследований об авторах и литературных произведениях. Они скорее всего посвящены обсуждению поэтических и стилистических норм, концепций и образов, мотивов и тем в исторической и сравнительной перспективе по отношению к основам английской французской и немецкой литератур» (с. VII). Эти очерки должны, по мнению австрийского исследователя, «подготовить тот день, когда будет завершено написание детальной истории предромантического направления в русской литературе» (с. VII—VIII).

Н. Д. Кочеткова, рецензент монографии, справедливо полагает, что в первых двух частях книги — «Сентиментализм: концептуальные основы» и «Сентиментализм: литературные влияния Запада и его русские соответствия», «убедительно полемизируя с Д. Чижевским, который рассматривает сентиментализм лишь как форму позднего классицизма, Р. Нойхойзер на основе своего исследования делает справедливый вывод о том, что сентиментализм был независимым литературным направлением со своими собственными определенными эстетическими, стилистическими и лингвистическими нормами и общими философскими предпосылками». ²⁷ Потому автор монографии на основе историко-литературных фактов стремится дифференцировать разные стадии в развитии сентиментализма: 1) моралистско-дидактический сентиментализм 1750—1770-х гг.; 2) сентиментальный эстетизм 1780—1790-х гг. На втором этапе появляется «пейзажная поэзия», насыщенная высоким чувством природы, замечается усиление внимания к внутренней жизни человека и признание особой ценности эмоций человека. Предромантизм, по Нойхойзеру, рождается в недрах сентиментального эстетизма и развивается как самостоятельное продолжение его. В этой связи не Карамзин, а И. И. Дмитриев — главный представитель сентиментализма, Карамзин же — предромантик. Эта необычная точка зрения вызвала ряд возражений со стороны Н. Д. Кочетковой. Последняя понимает проблему предромантизма иначе. «По-видимому, исторически более правильным было бы сопоставление русского сентиментализма как самостоятельного литературного направления, возглавленного Карамзиным, с романтизмом, сложившимся позднее. Выявление так называемых преромантических элементов (т. е. непосредственно предваривших романтизм) в литературе XVIII века — проблема, безусловно требующая серьезного внимания. В этом отношении безусловно могут быть интересны наблюдения, сделанные Р. Нойхойзером». ²⁸ Другие рецензенты — Д. С. Смит и Ю. Д. Левин —

²⁷ Кочеткова Н. Д. Русский сентиментализм: Итоги и проблемы изучения..., с. 225.

²⁸ Там же, с. 226,

соглашаются с основными положениями III—V частей монографии Р. Нойхойзера.

В 1-й главе III части — «От сентиментальных клише к предромантическим концепциям» (с. 85—89) — на примерах пародии В. Л. Пушкина «Письмо к И. И. Дмитриеву» (1796), послесловия Н. М. Карамзина к «Аонидам» (кн. 2, 1797), «Письма к другу из столицы» В. Г. Анастасевича (1807) — австрийский литературовед показывает, что сентиментализм, исповедовавший чувствительность, слезливость, перестал играть роль литературного авангарда к 1790-м гг.; меняется представление о человеке вне зависимости от социальной принадлежности и семейного положения; индивидуалистический герой произведения писателя-предромантика вступает в противоречие с нормами морали, которые ему навязывала сентиментальная литература. Важную роль в становлении предромантизма в России сыграли переводы из произведений западноевропейских литератур, подчеркивает Р. Нойхойзер. Приобщаясь к ним, русская литература обогащалась новыми идеями, темами и образами, узнавала новые способы обрисовки характеров и типизации действительности, прежде ей неизвестные. Во 2-й главе III части — «Главные влияния предромантических писателей в России» (с. 90—116) — рассматриваются основные факты восприятия в России конца XVIII—начала XIX в. творчества Ж. Ж. Руссо, В. Шекспира, И. Г. Гердера, Ф. Шиллера, И. В. Гете. Особая глава этой же части посвящена «Немецким эстетическим теориям в России» (с. 117—126), в том числе М. Мендельсона, И. Г. Зульцера, К. Мейнерса, И. И. Эшенбурга, И. И. Винкельмана, И. Канта, Ф. Шиллера, Ж. Пауля, А. Шлегеля, И. Г. Фихте, Ф. В. И. Шеллинга. В 4-й главе — «Фольклор и мифология» (с. 127—142) — Р. Нойхойзер рассматривает возникновение в эпоху предромантизма интереса к народному творчеству, к проблеме морального превосходства первобытного человека над человеком так называемого цивилизованного общества; им привлекаются переводы из произведений аббата Ж. Ж. Бувье Лионнуа, Карла Филиппа Морица, Поля Анри Малле, из оссианистических поэм Джеймса Макферсона и т. п. В этой же связи австрийским исследователем рассматриваются и отдельные попытки воссоздания в XVIII в. русской и славянской мифологии древнейших времен (М. В. Ломоносов, М. Д. Чулков, М. И. Попов, А. С. Кайсаров и особенно В. А. Левшин).

Интересна четвертая часть книги — «Предромантические темы и мотивы». Она открывается главой «Основные концепции предромантической литературы: природа, поэзия и гений» (с. 143—149). Р. Нойхойзер считает, что существеннейшей частью философии романтизма является новая концепция природы, которая получила свое глубочайшее выражение в философии Ф. Шеллинга. В России шеллингианство проявило себя в статьях и стихотворениях, напечатанных на страницах русских журналов начала XIX в. «Друг просвещения», «Аглая», «Утренняя заря», «Вестник Европы», «Московский собеседник» и др. Во второй

главе — «Главные жанры предромантической литературы» (с. 150—161) — Р. Нойхойзер бегло характеризует переводной роман. Лесааж, Виланд, Фильдинг, Стерн, Руссо, Гете, Жюльен, Шатобриан, де Сталь, утверждает он, образовали западноевропейскую романическую традицию, воспринятую в России. Влияли на русскую драматургию и драмы европейских писателей Д. Дидро, П. О. Бомарше, Л. Мерсье, сентиментальная английская комедия и шекспировская трагедия. Между 1805—1811 гг. в русской литературе произошли такие изменения, что можно говорить о появлении нового направления — романтизма.²⁹ В 3-й главе — «Ранние русские интерпретации романтизма: термин романический» (с. 162—167) — автор рассматривает, в каком значении в русской литературе и критике употреблялся термин «романический».

Любопытная пятая часть книги — «Русские предромантические произведения». Она начинается с главы «Предромантический период Н. М. Карамзина» (с. 169—192). Ранние предромантические мотивы в произведениях Карамзина имеют место с конца 1780-х гг. до 1795 г.; здесь имеется в виду «Послание к И. И. Дмитриеву», письма, переводы из Шекспира, Лессинга, Оссиана, Морица, вся ранняя повествовательная проза, включая «Бедную Лизу» и «Остров Борнгольм». «Во-первых, — утверждает Р. Нойхойзер, — Карамзин должен был разделять полную оторванность искусства от реальности, т. е. он хотел развивать литературу как искусство языка для удовлетворения эстетического вкуса людей, — это курс, которым следовал Дмитриев. Во-вторых, он должен был восстать против социальных, политических и, наконец, литературных запретов и табу (которые должны были вести к предромантической литературе в русле немецкой «Бури и натиска»), принимая всерьез отождествление литературы с жизнью и природой, и освободительные, антиорганизационные движения времени (как, например, свободное христианство в практике вольных каменищиков, направленное против организованной религии, или свободная филантропическая и просветительская деятельность, которой занимались Новиков и другие масоны против организованной бюрократии; или литература как источник правды и самовыражения, противостоящей подчинительным требованиям правительства и т. п.)» (с. 192). В конце концов напуганный событиями французской революции, так называемого термидорианского перерождения, Карамзин отступил от предромантизма как художественного метода творчества и возвратился к методу сентиментального эстетизма с моралистическим оттенком (1795 г.).

Во 2—4-й главах V части своей монографии Р. Нойхойзер рассматривает с точки зрения предромантических тенденций деятельность членов «Дружеского литературного общества», «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств» и, наконец, творчество в первом десятилетии XIX в. трех писателей-

²⁹ См.: Жуковский В. А. О поэзии древних и новых. — Вестник Европы, 1811, ч. 55, с. 187—212.

предромантиков — В. Т. Нарезного, Н. И. Гнедича, Д. В. Давыдова.

Таково в общих чертах содержание этой интересной, богатой фактическим материалом и теоретическими выводами книги. Имеются и недостатки: некоторая методологическая непоследовательность. Как справедливо замечает Ю. Д. Левин, «хотя теоретически автор признает зависимость литературы от общественной жизни, этот взгляд почти не получает практического воплощения, когда он переходит к изложению материала. Он движется в основном в сфере „чистых“ идей: литературные принципы связываются с философскими концепциями, но не „заземляются“ в конкретных условиях общественной обстановки <...> В итоге, хочет ли этого автор или не хочет, получается впечатление пассивного восприятия русской литературой XVIII в. тех или иных западноевропейских влияний, за которым исчезает ее национальное своеобразие».³⁰ Что же касается теоретической доказательности, то ее в монографии австрийского исследователя не меньше, чем в статье, скажем, советской исследовательницы А. В. Архиповой «О русском предромантизме».³¹

Монография Нойхойзера имеет еще один существенный недостаток. В ней, как и во всех западных трудах, посвященных русскому предромантизму, отсутствует характеристика одной из важных черт: освоения художественной литературой тем и проблем отечественной истории. Воскрешение прошлого с попыткой известной идеализации его (например, темы Рюрика и Вадима, вольного Новгорода и т. п.) мы находим в творчестве А. Н. Радищева, Н. М. Карамзина и многих других. Поэмы Оссиана многое сделали в истории поэзии: они показали другим народам пример. «Обратитесь к своему прошлому, и вы найдете достойных подражания героев и героическое», как бы провозглашали они. Призывы Оссиана нашли отклик в сердцах русских литераторов и русской читающей публики. Создание беллетризованной истории России было бы неперменным итогом развития и углубления предромантических тенденций, которые мы находим в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина.

В другой своей работе «Романтический век в русской литературе: поэтические и эстетические нормы» — хрестоматии, посвя-

³⁰ Левин Ю. Д. Три книги канадских русистов... с. 205.

³¹ Архипова А. В. О русском предромантизме. — Русская литература, 1978, № 1, с. 14—25. Здесь в качестве критерия нового литературно-исторического явления выдвигается знаменитая триада — «психологизм», «историзм» и «народность». Четкие качественные и количественные дефиниции этих трех понятий применительно к литературным направлениям классицизму и сентиментализму отсутствуют, потому и не совсем ясно, какое содержание автор статьи вкладывает в понятие предромантизма. Впрочем, мнения Нойхойзера и Архиповой во многом совпадают при характеристике историко-литературных фактов: они называют предромантическими одни и те же художественные произведения: «Остров Борнгольм» Карамзина, отдельные произведения Н. И. Гнедича, И. М. Борна, А. Х. Востокова, В. Т. Нарезного.

ценной сентиментализму, предромантизму и романтизму.³² Р. Нойхойзер повторил некоторые из положений своей монографии и привел отдельные высказывания из эстетических трактатов предромантиков — Карамзина, Андр. Тургенева, Родзянко, Мораликова, Давыдова (на с. 75—78 своей хрестоматии).

Новая русская литература XVIII в. развивалась и обогащалась в широком международном общении. Переходный от классицизма к романтизму период характеризуется необычайным интересом к западноевропейским литературам, из которых русские писатели брали то, что было необходимо и полезно для развития свободного художественного творчества, отнюдь не замыкавшегося в узких рамках «подражаний» и «ученичества». Качество повизина и глубина своеобразия национальной литературы во многом зависели от взаимодействия русской литературы с литературами европейскими. Как верно замечает П. Р. Заборов, «с начала 1770-х и особенно на протяжении последующих десятилетий в русской литературе со все возрастающей отчетливостью проявляются новые черты, обнаруживаются новые тенденции <...> Первоначально это обновление еще не воспринимается как разрыв с классической традицией. Речь идет лишь о некотором „улучшении“, „освобождении“ литературы, скованной цепями чересчур строгих законов. Но мало-помалу веяния эти все усиливаются и крепнут, так что даже самым убежденным и активным сторонникам классицизма становится трудно его защищать».³³

Колоссальную роль в приобщении русской литературы к мировым идеям, сюжетам и образам сыграла драматургия Вильяма Шекспира.

Здесь и далее мы будем рассматривать проблематику русского предромантизма и ее освещение в зарубежной науке о литературе через призму взаимодействия русской литературы с литературами европейскими, и прежде всего английской, французской и немецкой.

Шекспир, английская литература и русский предромантизм

Первое знакомство русских людей с драмами Шекспира произошло в 1600—1601 гг. в Лондоне, куда прибыло тогда посольство царя Бориса Годунова к королеве Англии Елизавете. Первое серьезное знакомство с Шекспиром мы находим у А. П. Сумарокова («Две эпистолы», 1748; «Гамлет», 1748; «Дмитрий Самозванец», 1786). Подражанием Шекспиру отме-

³² *Neuhäuser R.* The Romantic Age in Russian literature: poetic and esthetic norms: An anthology of original texts (1800—1850). München, 1975. (Slavistische Beiträge..., Bd 92).

³³ *Заборов П. Р.* От классицизма к романтизму. — В кн.: Шекспир и русская культура / Под ред. акад. М. П. Алексеева. М.; Л., 1965, с. 70.

чены четыре драмы Екатерины II: «Вот каково иметь корзину и белье», «Подражание Шакспиру, историческое представление без сохранения феатральных обыкновенных правил из жизни Рюрика», «Начальное управление Олега», «Расточитель» (все — 1786 г.). В следующем, 1787 году, вышло в свет первое отдельное издание драмы Шекспира в переводе на русский язык — «Жизнь и смерть Ричарда III». В тот же год Карамзин переводит, пользуясь помощью и консультацией представителя немецкой «Бури и натиска» Якоба Ленца, «Юлия Цезаря» Шекспира. Драматургия Шекспира в глазах Карамзина противостояла драматургии классицизма и была для него средством приобщения к подлинному и глубокому искусству.³⁴

Исследовательская литература о Шекспире огромна.³⁵ Попытки представить общую картину эволюции восприятия Шекспира в России делались неоднократно и в отечественной науке о литературе (В. А. Лебедев, С. Тимофеев, П. Морозов, Н. Бахтин, А. Н. Веселовский, Н. А. Котляревский, А. С. Булгаков, М. П. Алексеев и др.), и в зарубежном литературоведении. Отметим здесь зарубежные журнальные обзоры П. Доула,³⁶ К. Жёлещкого,³⁷ О. Карточинского,³⁸ Э. Фридрикса,³⁹ А. Лютера,⁴⁰ А. Занко,⁴¹ К. Биды,⁴² а также три капитальные монографии, из которых одна — Р. Нойхойзера — уже рассмотрена нами,⁴³ две другие — это книга французского литературоведа Андре Лирондела «Шекспир в России»⁴⁴ и американского исследователя Эрнста Джозефа Симмонса «Английская литература и культура

³⁴ Там же, с. 72; *Rothe H. N. M. Karamzin's Europäische Reise. Der Beginn des Russischen Romans: Philologische Untersuchungen.* Bad Homburg v. d. H.; Berlin; Zürich, 1968, S. 55—65; *Neuhäuser R. Towards the Romantic Age...*, p. 96—103.

³⁵ *Левинова И. М.* 1) Шекспир: Библиография русских переводов и критической литературы на русском языке. 1748—1962. М., 1964; 2) Уильям Шекспир: Библиографический указатель русских переводов и критической литературы на русском языке. 1963—1975. М., 1978.

³⁶ *Dole N. Shakespeare and the Russian drama.* — *Poet-lore.* Philadelphia, 1889—1890, vol. 1, N 11, p. 497—507; vol. 2, N 3, p. 113—125.

³⁷ *Ziolecki C. Shakespeare in Poland, Russia and other slavonic countries.* — *Transactions of The New Shakespeare society,* London, 1880—1885, p. 431—441.

³⁸ *Kartochinsky O. Shakespeare in Russia.* — *The Russian review,* London, 1916, vol. 6, N 3, p. 141—146.

³⁹ *Friedrichs E. Shakespeare in Russland.* — *Englische Studien,* Leipzig 1916, H. 1, S. 106—136.

⁴⁰ *Lüther A. Shakespeare in Russland.* — *Shakespeare-Jahrbuch,* 1950, Bd 84—86, S. 214—218.

⁴¹ *Zanko A. Shakespeare in Russia.* — *Annali della R. Scuola Normale Superiore di Pisa: Lettere, storia, filosofia,* Pisa, 1938, vol. 7 (ser. 2), fasc. 2—3; то же с доп.: *Zanko A. Shakespeare in Russia e altri saggi.* Torino, 1945, p. 5—39.

⁴² *Bida C. Shakespeare in Polish and Russian classicism and romanticism.* — *Études slavet et est-européenes,* Montreal, 1961, vol. 6, p. 188—195.

⁴³ *Neuhäuser R. Towards the Romantic Age...*

⁴⁴ *Lirondelle A. Shakespeare en Russie: Étude de littérature comparée.* 1748—1840. Paris, 1912; 2 éd., 1927.

и России (1553—1840)»; ⁴⁵ упомянем также и четыре неопубликованные диссертации о Шекспире в России — Д. Гиббана, В. К. Мэтьюсона, А. Вольфа и Э. Лермана. ⁴⁶ Что касается частных аспектов русской шекспирианы, то здесь следует назвать работу английского историка литературы Дэвида Маршалла Лэнга о драме А. П. Сумарокова «Гамлет», в которой устанавливается использование французского прозаического перевода Лапласа и немецких пересказов из Шекспира, ⁴⁷ а также статьи французца Шарля Ларивьера ⁴⁸ и американца Э. Д. Симмонса ⁴⁹ о подражании Шекспиру в четырех пьесах Екатерины II.

Воздействие английской поэзии предромантизма — «Ночных размышлений» Эдварда Юнга, «Времен года» Джеймса Томсона, «Элегия, написанная на сельском кладбище» Томаса Грея — было еще более существенным для русской литературы сентиментализма и предромантизма, чем воздействие Шекспира. ⁵⁰ Поэма Юнга, противостоящая «рассудочной поэзии» классицизма, — образец страстной нравственно-философской поэзии, направленной против крайностей гедонизма; напряженность драматических монологов, глубина меланхолических медитаций свидетельствуют о высоте личного поэтического чувства одного из выдающихся поэтов предромантизма. С начала 1770-х гг. «Ночные размышления» переводятся в России почти что непрерывно. До середины 1800-х гг. накопилось до 15 переводов, из которых самым значительным был перевод друга А. Н. Радищева А. М. Кутузова, восходивший к французскому переводу Летурнера (1780). ⁵¹

Западноевропейские и американские литературоведы обычно ищут об отношении европейских литератур к русской литературе в духе компаративизма, видными теоретиками которого выступали Л.-П. Бетп, Ф. Балдансперже, П. Ван Тийгем, В. П. Фридрих, Александр и Алексей Веселовские. ⁵² Компаративисты, как

⁴⁵ *Simmons E. J. English literature and culture in Russia (1553—1840). Cambridge (Mass.), 1935, p. 204—236.*

⁴⁶ *Gibban G. Shakespeare in Russia. Ph. D. Harvard, 1951 и др.*

⁴⁷ *Lang D. M. Sumarokov's Hamlet: A misjudged Russian tragedy of the Eighteenth century. — Modern language review, London, 1948, vol. 53, N 1, p. 67—72.*

⁴⁸ *Larivier Ch. Catherine II, élève de Shakespeare. — Revue des études franco-russes, Paris, 1906, N 6, p. 274—280.*

⁴⁹ *Simmons E. J. Catherine The Great and Shakespeare. — PMLA, New York, 1930, vol. 45.*

⁵⁰ Подробнее см.: *Левин Ю. Д. Английская поэзия и литература русского сентиментализма. — В кн.: От классицизма к романтизму: Из истории международных связей русской литературы. Л., 1970, с. 195—297; Заборов П. Р. Неизданная поэма М. В. Храповицкого «Четыре времени года». — В кн.: XVIII век. М.; Л., 1962, сб. 5, с. 429—434.*

⁵¹ *Brang P. A. M. Kutuzov als Vermittler des westeuropäischen Sentimentalismus in Russland. — Zeitschrift für slavische Philologie, Heidelberg, 1962, Bd 30, N 1, S. 51—52. Ср.: Заборов П. Р. «Ночные размышления» Юнга в ранних русских переводах. — В кн.: XVIII век: Русская литература XVIII века. Эпоха классицизма. М.; Л., 1964, сб. 6, с. 269—279.*

⁵² Назовем здесь типичные работы русского компаративизма: *Веселовский Алексей.* Западное влияние в новой русской литературе. 5-е изд. М., 1916; *Белозерская Н.* Влияние переводного романа и западной европейской

правило, не учитывают своеобразие и самостоятельность русской литературы, преувеличивают ее зависимость от западноевропейских веяний, нередко подчеркивают зависимость общественно-политической мысли и философских исканий деятелей русской культуры второй половины XVIII в. от идейных течений и отдельных мыслителей Запада.⁵³ Буржуазные литературоведы нередко в искаженном свете представляют историко-литературный процесс, изображая его как процесс заимствований у «цивилизованного» Запада. Литературное «влияние» они рассматривают исключительно как односторонний и благотворный процесс. В таком ключе написан и обширный труд Э. Д. Симмонса «Английская литература и культура в России (1553—1840)». В седьмой главе этого труда «Английский сентиментализм в русской литературе (Томсон, Юнг, Оссиан, Стерн)» сообщаются основные факты «английского влияния» на творчество русских беллетристов от Карамзина до Жуковского и Пушкина.⁵⁴ Такой же характер имеют работы английского историка Мэтью Смита Андерсона.⁵⁵ В фактах знакомства русской общественности с произведениями Ричардсона, Смоллетта, Мильтона, Шеридана и Скотта этот исследователь видит «отправные точки» дальнейшего развития русской литературы. С этим невозможно согласиться. Поверхностным, недобросовестным трудам буржуазных исследователей противостоит капитальный труд академика М. П. Алексеева «Русско-английские литературные связи (XVIII век—первая половина XIX века)».⁵⁶ К числу серьезных, фактографических работ следует отнести труды английского литературоведа Энтони Глэнна Кросса, посвященные восприятию русской культуры и литературы XVIII в. англичанами.⁵⁷

цивилизации на русское общество XVIII века.— Русская старина, 1895, № 1, с. 125—156; Ковалевский М. М. Борьба немецкого влияния с французским в конце XVIII и в первой половине XIX столетий.— Вестник Европы, 1915, № 10, с. 123—163.

⁵³ Jablonowski H. Die geistige Bewegung in Russland in der zweiten Hälfte des 18 Jahrhunderts.— In: Colloque slavistique sur le theme «Le mouvement des idées dans les pays slaves pendant la seconde moitié du XVIII — e siècle. Uppsala, 20—21 août 1960. Commission internationale des études slaves. Comité International des sciences historiques. Roma, 1960, p. 1—49; Raeff M. The impact of Western ideas.— In: Raeff M. Origins of the Russian intelligentsia: The Eighteenth century nobility. New York, 1960, p. 148—171.

⁵⁴ Simmons E. J. English literature and culture in Russia (1553—1840). Cambridge (Mass.), 1935. (Harvard studies in comparative literature. Vol. 12); Reprint: New York, 1964. (См. с. 161—203 этого труда).

⁵⁵ Anderson M. S. 1) Britain's discovery of Russia. 1553—1815. London, 1958; 2) Some British influences on Russian intellectual life and society in the 18-th century.— The slavonic and east european review, London, 1960, vol. 39, N 92, p. 148—163. Отклик см.: Вайзинский В. М. Англо-русские культурные связи в XVIII в. в представлении буржуазного историка.— Вопросы истории, 1961, № 12, с. 183, 184.

⁵⁶ Литературное наследство. М., 1982. т. 91.

⁵⁷ См., например: Cross A. G. 1) The British in Catherine's Russia: a preliminary survey.— In: The Eighteenth century Russia / Ed. by J. G. Garrard. Oxford, 1973, p. 233—263; 2) «By the banks of The Thames»: russians

Особый успех в России, как и во всей Европе, имели опубликованные в 1765 г. в Англии поэмы, приписанные фольклористом Макферсоном шотландскому барду Оссиану. И. Г. Гердер обосновывал ими теорию народной поэзии. «Велик ты, Оссиан, велик, неподражаем!» — восклицал молодой Карамзин, ставший впоследствии основателем целого литературного направления — карамзинского. Поэмы Оссиана вдохновляли Г. Р. Державина, К. Н. Батюшкова, В. А. Жуковского, В. А. Озерова, Н. И. Гнедича, К. Ф. Рылеева, В. К. Кюхельбекера, А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова. Вопрос о русском оссианизме ставили и решали такие русские исследователи, как А. Д. Галахов, И. И. Замотин, В. И. Маслов, Р. В. Иезуитова, Ю. Д. Левин и др.⁵⁸ Зарубежные исследования о русском оссианизме немногочисленны. Это статьи канадского русиста Глинна Баррета⁵⁹ и английского исследователя Питера Дьюкса.⁶⁰ Последняя особенно важна, так как устанавливает факт первого упоминания предания Фингала в русской брошюре 1768 г. («Слово о происшествии и учреждении университетов в Европе»). Об оссианистических мотивах в русской поэзии конца XVIII — начала XIX в. писал в своей монографии Р. Нойхойзер.⁶¹ Оссианистические веяния в творчестве Карамзина даже дали повод немецкому исследователю Клаусу Тросту для неоправданных непаучких сближений памятника XII в. «Слова с полку Игореве» с поэзией и прозой Карамзина,⁶² а чехословацкого ученого Юлиуса Доланского вдохновили на поиски следов влияния Карамзина на Вацлава Ганку, обвиненного в создании двух фаль-

in Eighteenth century Britain. — In: Great Britain and Russia in The Eighteenth century: contacts and comparisons: Proceedings of an international conference held at the University of East Anglia, Norwich, England, 11—15 July 1977 / Ed. by A. G. Cross. Newtonville (Mass.), 1979, p. 25—47; 3) Study Group of Eighteenth-century Russia: Anglo-Russian relations in The Eighteenth century / Exhibition devised and catalogue compiled by Anthony Cross. 5—29 July 1977. Library concourse, University of East Anglia. Norwich, 1977; 4) «By The Banks of the Thames»: russians in Eighteenth century Britain. Newtonville (Mass.), 1980. См. рец.: Карацуба И. В., Краснова Б. И. Русские в Англии в XVIII веке. — История СССР, 1982, № 4, с. 202—206.

⁵⁸ Подробнее см.: Левин Ю. Д. Оссиан в русской литературе: Конец XVIII — первая треть XIX в. Л., 1980. Краткий вариант см. на англ. яз.: Levin Ju. D. Russian responses to the poetry of Ossian. — In: Great Britain and Russia in The Eighteenth century..., p. 49—64.

⁵⁹ Barrat G. B. The melancholy and the wild: a note on Macpherson's Russian success. — In: Studies in Eighteenth century culture. Cleveland; London, 1973, vol. 3, p. 125—135.

⁶⁰ Dukes P. Ossian and russian-scottish literary news. — Ibid., p. 17—21.

⁶¹ Neuhäuser R. Towards The Romantic Age..., p. 127—142.

⁶² Trost K. 1) Karamzin und das Igorlied: Ein Beitrag zur Kontroverse um die Echtheit des Igorliedes. — Anzeiger für slavische Philologie, Graz; Köln, 1974, Bd 7, S. 126—145 (см. отклик: Прохоров Г. М. Снова подозреваются Карамзин: (еще одна гипотеза об авторе «Слова о полку Игореве»). — Русская литература, 1975, № 3, с. 235—239); 2) Entwicklung und Stand der Kontroverse um die Echtheit des Igorliedes. — Symposium slavicum 1977. Referate der III. Tagung bayerischer und österreichischer Slavi-

сифицированных «под древность» рукописей — Краледворской и Зеленогорской.⁶³

Из английских прозаиков наибольшей популярностью пользовался Лоуренс Стерн, автор романов «Жизнь и мнения Тристрама Шенди» (1759—1762) и «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии» (1768). Стерном интересовались как создателем жанра сентиментального путешествия, как писателем-сентименталистом, способным широко охватить внутренний мир человека, умеющим при этом показать своеобразие его «чувствований», когда возвышенное и обыденное, героическое и низменное, доброе и злое причудливо сочетаются в человеке и дают выход его страстям.⁶⁴ «Милая чувствительность! — восклицал Стерн. — Неисчерпаемый источник совершенных удовольствий и несносных горестей! Ты унижаешь своего страдальца столь же часто, как и возвышаешь его до небес! Вечное начало наших ощущений! <...> Все происходит от тебя, великий правитель мира! Ты смягчаешь наши сердца и делаешь их сострадательными к несчастьям другого!»⁶⁵ Художественные открытия Стерна были усвоены европейскими литературами, в том числе и русской литературой. Первые переводы из Стерна появились в 1779 г. (Б. Аридт), а полный текст «Путешествия» вышел в свет на русском языке в 1793 г.⁶⁶ Но наибольшую популярность в России Стерн получил в начале XIX в., когда были изданы «Красоты Стерна или собрание лучших его патетических повестей и отличнейших замечаний на жизнь для чувствительных сердец» (М., 1801) и когда появились многочисленные подражания Карамзину и «Путешествию» Стерна (Шаликов, Измайлов и др.) и как отпор крайностям сентиментализма — комедия А. А. Шаховского «Новый Стерн» (1805). Карамзин также был одним из поклонников английского писателя. Это проявилось в его первом романе «Письма русского путешественника» (1791—1792) и в автобиографической повести «Рыцарь нашего времени» (Вестник Европы, СПб., 1802, № 13,

sten. Innsbrucker Beiträge zur Kulturwissenschaft. — Slavica Aenipontana, N 3. Innsbruck, 1980, S. 149—162; 3) Zur literarischen Polemik im Igorlied und in Karamzins Il'ja Muromec (unter Berücksichtigung der Zadonsčina): Ein Beitrag zur Frage einer Igorlied-Autorschaft N. M. Karamzins. — In: Festschrift für Linda Sadnik zum 70 Geburtstag. (Monumenta linguae slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertationis / Ed. Eckhard Weiher. T. 15). Freiburg; Bremen, 1981, S. 145—168.

⁶³ Dolanský Ju. 1) Ohlas dvou ruských básníků v Rukopisech Kráľedvorském a Zelenohorském. Praha, 1969; 2) Poezia Václava Hanky a Karamzin. — Slavia, Praha, 1970, roč. 39, seš. 1, s. 41—63.

⁶⁴ Маслов В. И. Интерес к Стерну в русской литературе конца XVIII—нач. XIX в. — В кн.: Историко-литературный сборник / Посвящается В. И. Срезневскому. Л., 1924, с. 339—376; Тронская М. Л. Романы Л. Стерна. — В кн.: Литература и эстетика. Л., 1960, с. 26—50.

⁶⁵ Стерн Л. Путешествие Йорика по Франции, или Забавные и остроумные замечания и живописные оттенки нравов и характера французского народа до революции. М., 1806, ч. 2, с. 119.

⁶⁶ Стерново путешествие по Франции и Италии / Пер. А. Колмакова. СПб., 1793, ч. 1—3.

18; 1803, № 14). Всем этим вопросам посвящена интересная, но, к сожалению, неопубликованная диссертация американца К. Крейвена «Лоуренс Стерн и Россия: изучение четырех случаев».⁶⁷ Первый русский революционер А. Н. Радищев во время следствия под ним признавался, что на создание «Путешествия из Петербурга в Москву» повлияли, кроме Гердера и Рейналя, еще и Стерн в немецком переводе.⁶⁸ Это дало повод Д. М. Лэнгу, который, кстати сказать, стремится всячески преувеличить зависимость Радищева от философов и мыслителей Запада,⁶⁹ утверждать, что автор «Путешествия из Петербурга в Москву» подражал Стерну.⁷⁰ Образы Йорика и Путешественника, по мнению английского исследователя, роднят гуманное настроение и горячее сочувствие к обездоленным; эпизод встречи Путешественника со слепым певцом на станции Клин напоминает эпизод встречи Йорика с монахом Лоренцо, и даже в оде «Вольность» Д. М. Лэнг усмотрел влияние Стерна. С Д. М. Лэнгом не согласна американская исследовательница Таня Пэйдж.⁷¹ Она полагает, что в «Житии Федора Васильевича Ушакова» и в «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищев спорит со Стерном. Первенец свободы якобы с позиций «утилитаризма» XVIII в., т. е. узко понимаемой пользы для общества, отвергает деистическую систему морали английских писателей-сентименталистов, что ясно проявилось в главе из «Путешествия», называемой «Едрово». Однако эта точка зрения не имеет характера новизны: критику Радищевым в главе «Едрово» моральных воззрений героя «Сентиментального путешествия» Йорика отмечал еще более полувека тому назад В. П. Семенников.⁷²

В другой своей работе — «Радищевская монстрология: „Путешествие из Петербурга в Москву“ и поздние произведения в свете французских источников» — Т. Пэйдж интересно пишет об эпи-

⁶⁷ Craven K. Lawrence Sterne and Russia: four case studies: Ph. D. Diss. New York, Columbia university, 1967.

⁶⁸ Показания А. Н. Радищева. — В кн.: Бабкин Д. С. Процесс А. Н. Радищева. М.; Л., 1952, с. 167.

⁶⁹ Lang D. M. 1) Alexander Nikolaevich Radishchev and his contacts with French and German thinkers: Ph. D. Diss. Cambridge university, 1950; 2) Some western sources of Radischev's thought. — Revue des études slaves, Paris, 1949, t. 25, p. 73—86.

⁷⁰ Lang D. M. Radishchev and Sterne: An episode in Russian sentimentalism. — Revue de littérature comparée, Paris, 1947, vol. 21, p. 254—260. То же см. в кн.: Lang D. M. The first Russian radical Alexander Radishchev. 1749—1802. London, 1959. Ошибочность ряда положений книги Д. М. Лэнга была показана советскими исследователями жизни и творчества Радищева.

⁷¹ Page T. 1) The spiritual conflict of A. N. Radishchev (1749—1802): Ph. D. Diss. Columbia university, 1973; 2) Radishchev's polemic against sentimentalism in the case of Eighteenth century utilitarianism. — In: Russian literature in The Age of Catherine The Great: A collection of essays / Ed. by A. G. Cross. Oxford, 1976, p. 141—172.

⁷² Семенников В. П. Радищев: Очерки и исследования. М.; Игр., 1923, с. 444.

графе к «Путешествию».⁷³ По ее мнению, «чудище» — это символ христианской религии, которую автор произведения критикует. Американская исследовательница усматривает в этом полемику с «Телемахидой» В. К. Тредиаковского. Истоки мировоззрения русского революционера, по мнению Т. Пейдж, связаны с заимствованной у Гельвеция философией «материалистического утилитаризма», которая якобы призвана узаконить в обществе XVIII в. определенные нормы поведения человека и сделать его счастливым.

Различий между «Путешествиями» Стерна и Радищева гораздо больше, чем сходства. Это убедительно показал советский литературовед Г. П. Макогоненко, сопоставив оба «Путешествия» типологически.⁷⁴ По жанру они совершенно разные. «Путешествие» Радищева ближе к сатире, политическому памфлету. Недаром Пушкин назвал это произведение «сатирическим воззванием к возмущению».⁷⁵ Смех Стерна, который, по выражению Т. Карлейля, «печальнее слез», не нашел отклика у первенца русской свободы. Страстный протест против самодержавия и крепостничества связывает «Путешествие» Радищева с передовой революционной мыслью. Буржуазные ученые, искажая факты, отрицают эту связь, что проявляется у них в ясно выраженной тенденции представить автора «Путешествия» не революционером, а либералом или «утилитаристом», учеником мыслителей Запада, и особенно Гельвеция.⁷⁶ Подобного рода труды отнюдь не способствуют пониманию предромантических тенденций в творчестве писателя-революционера, ярко проявившихся в интересе к отечественной истории и роли народа в ней, в трактовке первенцем свободы темы вольного Новгорода в «Путешествии из Петербурга в Мо-

⁷³ Page T. A Radiščev monstrosity: «The journey from Petersburg to Moscow» and later writings in the light of French sources. — In: American contributions to The Eight International Congress of slavists. Zagreb and Ljubljana. September 3—9, 1978. Vol. 2. Literature / Ed. by V. Terras. Columbus (Ohio), 1978, p. 570—604.

⁷⁴ Makogonenko G. P. Aleksander Radischchev and Lawrence Sterne. — In: Great Britain and Russia in the Eighteenth century: contacts and comparisons: Proceedings of an International conference held at The University of East Anglia, Norwich, England, 11—15 July 1977 / Ed. by A. G. Cross. Newtonville (Mass.), 1979, p. 84—93.

⁷⁵ Пушкин А. С. Александр Радищев. — Полн. собр. соч.: В 10-ти т. 4-е изд. Л., 1978, т. 7, с. 241.

⁷⁶ McConnell A. 1) Helvetius' Russian pupils. — Journal of the history of ideas, Ephrata; New York, 1963, vol. 24, N 3, p. 373—386; 2) Russian philosophe: Alexander Radishchev. 1749—1802. The Hague, 1964; Clardy J. V. The philosophical ideas of Alexander Radischchev. New York, 1964. Критику этих работ см.: Кочеткова Н. Д. Изучение Радищева за рубежом. — Русская литература, 1975, № 1, с. 180—182. Библиографию зарубежных трудов о Радищеве см.: Hoffmann P. 1) Radiščev-Literatur in Westdeutschland. — Zeitschrift für Slawistik, Berlin, 1961, Bd 6, S. 120—129; 2) Stand und Aufgaben der Radiščev-Forschung. — Jahrbücher für Geschichte der UdSSR und der volksdemokratischen Länder Europas, Berlin, 1961, Jhrg. 5, S. 375—390; Smith G. S. Radishchev: a concise bibliography of works published outside The Soviet Union. — In: Study Group on Eighteenth-century Russia. Newsletter. Norwich, 1974, N 2, p. 53—61.

вию», в «Песнях, петьх на состизаниях древним божествам» и др. Изучению проблемы «Радищев и европейские литературы», удачно начавшееся в коллективных трудах ученых ГДР и СССР,⁷⁷ ждет продолжения.

С английским романом русские читатели познакомились еще в 60-е гг. XVIII в. Однако его удельный вес сравнительно с французским и немецким романом был невысок. Из 463 переводов прозаических произведений западноевропейских авторов XVIII в. 350 были переводы с французского, 107 — с немецкого и только 6 — с английского. В числе последних были произведения Генри Филдинга — романы «Том Джонс», «Джозеф Эндрью», «Джонатан Уайльд», «Амелия», романы Сэмюэля Ричардсона «Памела», «Кларисса» и «Грандисон». В 1789 г. П. Ю. Львов выпускает в свет свой роман «Российская Памела», подражание Ричардсону. Во второй половине XVIII в. с английской литературой русские читатели знакомились в основном через журналы,⁷⁸ читали они и английский готический роман (Уолпол и Рэдклифф). Интересовались английской литературой и Н. М. Карамзин.⁷⁹

Жан Жак Руссо, французская литература и русский предромантизм

Наряду со Стерном Руссо считается основоположником европейского предромантизма. Идеи автора «Новой Элоизы» и «Общественного договора» о врожденной склонности человека к добру, об общественном договоре и народном суверенитете, о всеобщем равенстве и народоправстве глубоко повлияли на развитие русской литературы. Радищев и Карамзин, братья Тургеневы, Пушкин и Герцен, Достоевский и Толстой — каждый в свое время отдал дань руссоизму. «Учение Руссо, — пишет Ю. М. Лотман, — пришло в Россию как живое, пламенное слово, отвечающее с беспощадной решительностью на вопросы, выдвинутые самой русской действительностью. На всем протяжении своей жизни

⁷⁷ A. N. Radiščev und Deutschland: Beiträge zur russischen Literatur des ausgehenden 18 Jahrhunderts / Redigiert von Erhard Hexelschneider. Berlin, 1969; Grasshoff H., Lauch A., Lehmann U. Humanistische Traditionen der Russischen Aufklärung. Berlin, 1973; Wissenschaftliche Zeitschrift Karl-Marx Universität Leipzig. Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe. Leipzig, 1977, H. 4 (Zum 175 Todestag A. N. Radiščevs). Подробный разбор этих трудов см.: Кочеткова Н. Д. Изучение Радищева за рубежом; Данилевский Р. Ю. Лейпцигский сборник, посвященный А. Н. Радищеву. — Русская литература, 1978, № 4, с. 199—205.

⁷⁸ Martynov I. F. English literature and Eighteenth century Russian reviewers. — Oxford slavonic papers, Oxford, 1971, vol. 4, p. 3—17. Ср.: Лепин Ю. Д. Английская просветительская журналистика в русской литературе XVIII века. — В кн.: Эпоха Просвещения: Из истории международных связей русской литературы. Л., 1967, с. 3—80.

⁷⁹ Cross A. G. Karamzin and England. — The slavonic and east european review, London, 1964, vol. 43, N 100, p. 91—114.

в русской литературе Руссо воспринимался целостно — как талантливый писатель с самобытным литературным стилем и политический мыслитель, учитель жизни, „защитник вольности и прав“, по характеристике Пушкина.⁸⁰ В России, стране крестьянской, где долго сохранялись крепостное рабство и самодержавие, идеи Руссо сыграли огромную роль в формировании революционно-демократической идеологии, в частности мировоззрения Радищева.⁸¹ С Руссо соглашались, но с ним и спорили. Радищев, например, высоко ставил демократические идеи Руссо, но не соглашался с ним в том, что человек по природе добр: человек рождается ни добрым, ни злым, его характер формируется под влиянием среды и воспитания.⁸²

Первые переводы из Руссо в России появились в конце 60-х—70-е гг., как раз в период формирования русского предромантизма. Это «Три рассуждения» в переводе П. Потемкина (М., 1768), «Новая Элоиза» в переводе С. Башилова (М., 1769), отрывки из «Эмилия, или О воспитании» (М., 1769—1770), позднее увидел свет перевод «Исповеди» (М., 1797).⁸³ Особенно сильное впечатление на современников произвел роман Руссо «Новая Элоиза». В. Г. Белинский замечал, что «„Новая Элоиза“ Руссо выразила собою другую сторону этого века отрицания и сомнения — сторону сердца, и потому она казалась более пророчеством будущего, чем выражением настоящего».⁸⁴ Первое подражание «Новой Элоизе» в России — роман разночинца Ф. А. Эмина «Письма Эрнеста и Доравры» (СПб., 1766);⁸⁵ ряды последователей Руссо пополнили А. Я. Поленов, Я. П. Козельский, Н. И. Новиков, Д. И. Фонвизин. Воздействие Руссо испытывает и молодой

⁸⁰ Лотман Ю. М. Руссо и русская культура XVIII—начала XIX века. — В кн.: Руссо Ж. Ж. Трактаты / Изд. подгот. В. С. Алексеев-Попов, Ю. М. Лотман, Н. А. Полторацкий, А. Д. Хаютин. Сер. Лит. памятники. М., 1969, с. 561.

⁸¹ См.: Розанов М. Н. Ж. Ж. Руссо и литературное движение конца XVIII и начала XIX в.: (Очерки по истории руссоизма на Западе и в России). М., 1910, т. 1; Лотман Ю. М. 1) Восприятие идей Руссо в русской литературе конца XVIII—начала XIX в. — В кн.: Тезисы конференции, посвященной 250-летию со дня рождения Жан Жака Руссо. Одесса, 1962, с. 78—80; 2) Руссо и русская культура XVIII века. — В кн.: Эпоха Просвещения: Из истории международных связей русской литературы, с. 208—281; *Neuhäuser R. Towards the Romantic Age...*, p. 90—96; *Верцман И. Е. Жан Жак Руссо*. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1976, с. 256—257.

⁸² Подробнее см.: *Witkowski T. Radišev und Rousseau*. — In: *Studien zur Geschichte der Russischen Literatur des XVIII Jahrhunderts*. Berlin, 1963, S. 121—139; *Labriolle F., de. Radišev, lecteur des philosophes française du XVIII-e siècle*. — *Cahiers du monde russe et soviétique*, Paris, 1964, vol. 5, N 3, p. 270—285; *McConnell A. Rousseau and Radishchev*. — *The slavic and east european journal*, Bloomington, 1964, vol. 8, N 3, p. 253—272.

⁸³ Боброва Е. И. Жан Жак Руссо в России: (К 225-летию со дня рождения). — Книжные новости, 1937, № 12, с. 6—9.

⁸⁴ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1955, т. 7, с. 134.

⁸⁵ В зарубежном литературоведении см. об Ф. А. Эмине работу английского литературоведа Дэвида Баджена: *Budgen D. E. Fedor Emin and the beginnings of the Russian novel*. — In: *Russian literature in the Age of Catherine The Great*, p. 67—94.

Карамзин.⁸⁶ Но в середине 90-х гг. после появления статьи Д. М. Карамзина «Печто о науках, искусстве и просвещении» (в альманахе «Аглая», 1794, т. 1, с. 33—76) происходит переоценка ценностей: на первое место выдвигается «Исповедь» Руссо, в которой последний показал себя великим мастером психологического анализа характера человека. Карамзин спорит с французским мыслителем в «Моей исповеди» (1802), пытаясь отгородиться от якобинского духа его произведений. Позднее, в 1800-е гг., воздействие Руссо чувствуется в лирике и «Автобиографии» поэта Д. В. Давыдова.

В зарубежной науке о литературе воздействие Руссо и французской литературы на русскую литературу рассматривается обычно на фоне франко-русских литературных и культурных связей и нередко в духе компаративизма. Таковыми являются работы Лешю Пёго «Французы в России и русские во Франции»,⁸⁷ Шарля Ларивьера «Франция и Россия в XVIII веке»,⁸⁸ Эмиля Омана «Французская культура и Россия».⁸⁹ В этих книгах рассказывается о том, как «насаждалась» в России французская культура — и все для того, чтобы «исторгнуть старые традиции и уничтожить их варваризм»; Эмиль Оман даже заявляет, что «никто другой не соскреб с русского татарина, как француз XVIII века». При таком подходе исследователям было не до научных проблем. Чтобы как-то придать проблеме «влияний» характер мнимой объективности, буржуазные литературоведы стремятся «уравновесить» ее проблемой обратного «влияния». В таком духе написаны капитальные труды о восприятии русской литературы и культуры во Франции Дмитрия фон Мореншильда,⁹⁰ Альбера Лортолари,⁹¹ Роже Маршана и др.⁹² Подлинно научные, объективные труды по истории русско-французских литературных связей XVIII—начала XIX в. выходят в свет весьма редко: это исследование немецкого литературоведа Герды Ахингер об откликах

⁸⁶ Legras J. De Karamzinio, Laurentii Sternii et J.-J. Rousseau nostri discipulo. Thèse. Paris, 1897; Baye, baron, de et Girardin marquis, de. Karamzin et Rousseau. Paris, 1912. Ср.: Розова З. Г. «Новая Элоиза» Руссо и «Наталья, боярская дочь» Карамзина. — Русская литература, 1966, № 4, с. 149—153.

⁸⁷ Pingaud L. Les français en Russie et les russes en France: (L'ancien regime. L'émigration. Les invasions). Paris, 1886.

⁸⁸ Larivière Ch. La France et la Russie au XVIII-e siècle: Étude d'histoire et de littérature. Paris, 1909.

⁸⁹ Haumant E. La culture française en Russie. (1700—1900). Paris, 1910; 2 éd. 1914.

⁹⁰ Mohrenschildt, von D. Russia in the intellectual life of Eighteenth century France. New York, 1936. (Columbia university studies in English and comparative literature, N 124).

⁹¹ Lortholary A. Les «philosophes» de XVIII-e siècle et la Russie. Le Mirage Russe en France au XVIII-e siècle. Thèse. Paris, 1948; 2 éd. 1951.

⁹² Marchand R. Paralleles littéraires franco-russes. Mexico, 1949; Langner G. Zur Entwicklung des Russlandsbildes in Frankreich von Diderot bis Merimee. — In: Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostock. Rostock, 1956—1957, Bd 6, S. 251—294, и др., например: Réau L. L'Europe française au siècle des lumières. Paris, 1936.

на французскую литературу в русской журналистике XVIII в.,⁹³ а также работы советского историка литературы П. Н. Беркова, опубликованные в ГДР.⁹⁴ Конкретные факты связи русской литературы второй половины XVIII в. с французской литературой находятся в поле зрения многих зарубежных исследователей. Пример интересной и объективной работы в этом направлении — статья Энтони Гленна Кросса о влиянии романа французского историка Жан-Жака Бартеlemi «Путешествие молодого Анахариса в Грецию в IV в. до н. э.» (1788) на творчество молодого Карамзина;⁹⁵ этот роман заинтересовал Карамзина еще в Германии в 1789 г. и впоследствии пригодился ему при написании «Писем русского путешественника» (1791—1792).

В зарубежной науке о литературе, к сожалению, не уделяется достаточного внимания изучению воздействия на русскую литературу предромантизма французской исторической трагедии и литературных произведений мадам де Сталь.

Иоганн Готфрид Гердер, немецкая литература и русский предромантизм

В 1773 г. И. Г. Гердер выступил в Гамбургском журнале И. В. Гете и Мозера «Von deutscher Art und Kunst» с программной статьей «Письма об Оссиане и песнях древних народов», которая стала манифестом литературно-общественного движения «Буря и натиск». Народную мифологию и фольклор он объявлял главными и единственными источниками истинного вдохновения художника слова. Русскую литературу Гердер отнюдь не исключал из общеевропейского историко-литературного процесса. В годы пребывания в Риге (1764—1769) молодой педагог задумывал большое сочинение о России и насущных для нее реформах — «О культуре народов, и в особенности русского народа», но не осуществил его. Главный труд Гердера «Идеи к философии истории человечества» выходил в свет в 1784—1791 гг.⁹⁶ В нем были

⁹³ Achinger G. Der französische Anteil an der Russischen Literaturkritik des 18 Jahrhunderts unter besonderer Berücksichtigung der Zeitschriften (1730—1830): Inaug. Diss. Bad Homburg, 1970.

⁹⁴ Berkov P. N. 1) Französische Studien zur russischen Literatur. — In: Berkov P. N. Literarische Wechselbeziehungen zwischen Russland und Westeuropa im 18 Jahrhundert. Berlin, 1968, S. 107—156, 240—262; 2) Aus der Geschichte der russisch-französischen Kulturbeziehungen. — Ibid., S. 157—171, 262, 267; Берков П. Н. Изучение русской литературы во Франции: Библиографические материалы. — В кн.: Литературное наследство. М., 1933, кн. 33—34, с. 721—768; Макашин С. А. Литературные взаимоотношения России и Франции XVIII—XIX вв. — Там же, 1937, кн. 29—30, с. V—XXXII.

⁹⁵ Cross A. G. N. M. Karamzin and Barthelémy's «Voyage du jeune Anacharsis». — Modern language review, Washington, 1966, vol. 61, N 1, p. 467—472.

⁹⁶ Herder J. G. Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit. Riga, 1784—1791. T. 1—4. Рус. пер. 1829 г.

патристические мысли о единстве национального и общего начал и истории человечества; подчеркивалась неповторимость и ценность языка и культуры каждого народа. Историю и характер народа Гердер предпочитал изучать не по войнам и политике правительства, а по литературе и культуре. Воздействие идей Гердера на литературу России было глубоким и плодотворным.⁹⁷ Первенцем свободы первым упомянул Гердера в своем «Путешествии из Петербурга в Москву» в главе «Торжок»; к Гердеру восходили и оценки русских народных песен и истоков русского характера в главах «София» и «Зайцево»,⁹⁸ а также мнения о роли языка в обществе в главе «Крестьяны». Органическое усвоение идей Гердера Радищевым подтверждается всем творчеством автора «Путешествия», где философия истории неотделима от теории народной революции.⁹⁹ К Гердеру обращались и Г. Р. Державин в лирике и рассуждениях о литературе,¹⁰⁰ и Н. М. Карамзин, который встречаясь с Гердером, переводил отдельные его сочинения в 1802—1807 гг., но далеко не во всем соглашался с немецким мыслителем.¹⁰¹ Впрочем, мысль Гердера о ценности культуры каждой отдельной нации разделялась Карамзиным. Не во всем был согласен с Гердером и В. А. Жуковский, хотя и он одно время находился под его влиянием.¹⁰² По мнению западногерманского исследователя Конрада Биттнера, типичного представителя немецкого «Ostforschung», идеи немецкой философии и литературы якобы всегда искажались в России, принимая оттенок славнофильства или панславизма. Так якобы случилось и с идеями Гердера, утверждает этот литературовед. Нет необходимости даже опровергать это мнение. Оно не выдерживает критики.

До 1820 г. И. В. Гете был известен в России по преимуществу как автор «Страданий молодого Вертера», типично предроманти-

⁹⁷ Данилевский Р. Ю. И. Г. Гердер и сравнительное изучение литератур в России. — В кн.: Русская культура XVIII века и западноевропейские литературы. Л., 1980, с. 174—217; *Gesemann W. Herder's Russia*. — *Journal of the history of ideas*. Ephrata; New York, 1965, vol. 26, N 3, p. 424—434; *Neuhäuser R. Towards The Romantic Age...*, p. 103—106.

⁹⁸ *Herzelschneider E. Volk und Volkslied bei Herder und Radischtschew*. — In: Herder. Kolloquium 1978: Referate und Diskussionbeiträge. Weimar, 1980, S. 339—344.

⁹⁹ *Bittner K. J. G. Herder und Radischew*. — *Zeitschrift für slavische Philologie*, Heidelberg, 1956, Bd 25, H. 1, S. 8—53; *Макогоненко Г. П.* А. Н. Радищев и проблема историзма. — В кн.: *Wissenschaftliche Zeitschrift Karl-Marx Universität Leipzig. Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe*. Leipzig, 1977, H. 4, S. 285—296.

¹⁰⁰ *Bittner K. J. G. Herder und G. R. Deržavin*. — In: *Beiträge zur Einheit von Bildung und Sprache in geistigen Sein* / Festschrift für E. Otto. Berlin, 1957, S. 188—215.

¹⁰¹ *Bittner K.* 1) *Herdersche Gedanken in Karamzins Geschichtsschau*. — *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, München, 1959, Jrg. 7, Pt. 237—269; 2) *Der junge Nikolaj Michajlovič Karamzin und Deutschland*. — In: *Herderstudien* / Hrsgb. von W. Wiora. Marburger Ostforschungen. Würzburg, 1960, Bd 10, S. 81—94.

¹⁰² *Bittner K. J. G. Herder und V. A. Žukovskij*. — *Zeitschrift für slavische Philologie*, Heidelberg, 1959, Bd 28, H. 1, S. 14—16.

ческого произведения, переведенного в первый раз на русский язык в 1787 г.¹⁰³ В конце XVIII—начале XIX в. Вертера часто вспоминали, это произведение часто цитировали, ему подражали (например, Радищев в главе «Клин» своего «Путешествия», Карамзин в «Бедной Лизе», О. П. Козодавлев, переводчик гетевской трагедии «Клавиго», А. Клушин, А. Столыпин, Д. Горчаков, П. Шаликов, П. Львов, М. Сушков и др.);¹⁰⁴ популярностью пользовалась и лирическая поэзия Гете. В зарубежном литературоведении существует обобщающая монография «Русский образ Гете. Гете в русской литературе первой половины XIX века», принадлежащая американскому ученому Андре фон Гроника.¹⁰⁵ В первой главе «Ранние русские отклики о Гете и его произведениях» (с. 7—31) содержится перечень основных фактов и библиография.¹⁰⁶ В числе интересных явлений предромантизма А. фон Гроника называет поэзию десятилетия годов XIX в. юного графа С. С. Уварова, увлеченного в то время Гете и Шиллером.¹⁰⁷ Монография А. фон Гроники — итоговый труд по данной проблеме, потому мы ограничиваемся здесь только лишь перечислением некоторых зарубежных работ о Гете в России.¹⁰⁸

О Фридрихе Шиллере и его творчестве в России узнали во второй половине 1780-х гг. Драмы Шиллера «Разбойники», «Заговор Фиеско», «Коварство и любовь», «Мария Стюарт», «Дон Карлос», «Вильгельм Телль» сыграли заметную роль в становлении нового, «романтического» театра в России. Наряду с другими явлениями предромантизма воспринималось и все новое, что несла с собой драматургия Шиллера. Последний считал, что цель современных драматургов показать человека таким, какой он есть на самом деле, не разделяя характеры на ангельские и дьявольские. Это был протест против искусства классицизма. Потому Шиллер

¹⁰³ Зеркало света, 1787, т. 2, с. 768—773. Ср.: Берков П. Н. К истории первоначального знакомства русского читателя с Гете: (Библиографические материалы). — В кн.: Гете. 1832—1932: Доклады, прочитанные на торжественных заседаниях в память Гете 26 и 30 марта 1932 г. Л., 1932, с. 98—107.

¹⁰⁴ Сиповский В. В. Влияние «Вертера» на русский роман XVIII века. — Журнал Министерства народного просвещения, 1906, № 1, отд. 11, с. 52—106; Журмунский В. М. Гете в русской литературе. Л., 1937.

¹⁰⁵ Gronicka A., von. The Russian image of Goethe: Goethe in Russian literature of the first half of the Nineteenth century. Philadelphia. 1968. См. рец.: Левин Ю. Д. Иностранные работы о восприятии в России Гете и Шиллера. — Русская литература, 1971, № 1, с. 208—216; Gronicka A., von. Early Russian reaction to Goethe and his work. — Germanic review, New York, 1963, vol. 37, N 2, p. 137—150.

¹⁰⁶ Gronicka A., von. The Russian image of Goethe, p. 252—256, 289—292. Такой же перечень фактов см.: Neuhäuser R. Towards The Romantic Age..., p. 112—116.

¹⁰⁷ Ibid., p. 24—31.

¹⁰⁸ Gorlin M. Goethe in Russland. — Zeitschrift für slawische Philologie, Leipzig, 1932, Bd 9, S. 335—357; 1933, Bd 10, S. 319—334; Bem A. Der russische Antiwertherismus. — Germanoslavica, Waterloo; Ontario, 1933, Jhrg. 2, H. 2, S. 357—359; Atkins S. A. The Testament of Werther in poetry and drama. Cambridge (Mass.), 1949.

в его приверженностью к «истинной поэзии» был знаменем борьбы за подлинное искусство. Шиллером зачитывались в России. Но прошел мимо Шиллера и молодой Карамзин.¹⁰⁹ Первая капитальная монография за рубежом о восприятии жизни и творчества Шиллера в России принадлежит немецкому литературоведу Отто Петерсену.¹¹⁰ Монографии свойствен «компаративистский производ, углубленный националистическими тенденциями <...> воздействие Шиллера на русскую литературу он рассматривает как выражение превосходства немецкого народа над славянами».¹¹¹ На научную несостоятельность и недостоверность исследования О. Петерсена указывалось и в зарубежном литературоведении.¹¹² Выходившие в свет после 1934 г. монографии и статьи, посвященные проблеме восприятия Шиллера в России, носят характер поправок и дополнений к труду Петерсена.¹¹³ Из них самая солидная работа принадлежит западногерманскому литературоведу Гансу Бериду Хардеру, но и она не свободна от издержек: невниманье к общественно-историческим условиям литературного процесса в России, к своеобразию путей формирования романтизма

¹⁰⁹ Neumann F. W. Karamzins Verhältnis zu Schiller. — Zeitschrift für slavische Philologie, Leipzig, 1932, Bd 9, H. 3—4, S. 359—367; Леман У. И. М. Карамзин и В. фон Вольцоген. — В кн.: Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. М.; Л., 1966, с. 267—271.

¹¹⁰ Peterson O. P. Schiller in Russland. 1785—1805. New York, 1934.

¹¹¹ Левин Ю. Д. Иностранные работы о восприятии в России Гете и Шиллера, с. 209.

¹¹² Harder H. B. Schiller in Russland: Materialien zu einer Wirkungsgeschichte. 1789—1814. Berlin; Zürich, 1969, S. 10.

¹¹³ Passage Ch. E. The influence of Schiller in Russia, 1800—1840. — The american slavic and east european review, Columbus (Ohio), 1946, N 5, p. 111—137; Raab H. Die Lyrik Schillers in früher russchen Übersetzung. — Zeitschrift für Slavistik, Berlin, 1956, Bd 1, H. 1, S. 40—60; Fischer R. Schillers Wiederhall in der russischen Literatur. — In: Berichte über die Verhandlungen der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig. Leipzig; Berlin, Bd 103, H. 5, 1958, S. 1—26; Lotman Ju. M. Neue Materialien über die Anfänge der Beschäftigung mit Schiller in der russischen Literatur. — In: Wissenschaftliche Zeitschrift der E. M. Arndt Universität Greifswald. Gesellschaft- und Sprachwissenschaftliche Reihe. Greifswald, 1959, Jhrg. 8, N 5—6, S. 419—434; Tschizewskij D. Schiller in Russland. — In: Ruperto-Carola. Heidelberg, 1960, Bd 27, S. 111—120; Kostka E. K. Schiller in Russian Literature. Philadelphia, 1965; Harder H. B. 1) Schiller in Russland: Materialien zu einer Wirkungsgeschichte. 1789—1814. Bad Homburg; Berlin; Zürich, 1969. 234 S. (Frankfurter Beiträge zur Germanistik. N 4); 2) Zur Textvorlage der ersten russischen Übersetzung von Schillers Räubern. — In: Festschrift für Alfred Rammelmeyer. München, 1975, S. 85—107; Neuhäuser R. Towards The Romantic Age..., p. 106—112; Harder H. B. Schiller und die russische Literatur des 19 Jahrhunderts. — In: Wechselbeziehungen zwischen deutscher und slawischer Literatur/Hrsgb. von F. B. Kaiser und B. Stasiewski. Köln; Wien, 1978, S. 33—52. См. также рецензии на книги Э. Костки и Г. Б. Хардера: Левин Ю. Д. Иностранные работы о восприятии в России Гете и Шиллера, с. 208—216. См. также следующие работы: Смолян О. Л. Первые переводы и постановки Шиллера в России. — В кн.: Фридрих Шиллер: Статьи и материалы. М., 1966, с. 13—14; Данилевский Р. Ю. 1) Судьбы Шиллера в России. — Русская литература, 1967, № 2, с. 188—191; 2) Шиллер в русской лирике 1820—1830-х годов. — Там же, 1976, № 4, с. 139—149.

в русской литературе нового времени. Нет в зарубежной науке о литературе ни одного исследования о воздействии философии И. Канта на русскую литературу конца XVIII—начала XIX в., зато оказался не обойденным даже такой второстепенный литератор, как Август-Фридрих-Фердинанд Коцебу, чьи сентиментальные драмы шли на русской сцене в 1790—1800-е гг.¹¹⁴ Между тем крупные обобщающие труды, в которых бы обобщались русско-немецкие культурные и литературные связи второй половины XVIII в.—начала XIX в. в отечественном и зарубежном литературоведении, отсутствуют, если не считать небольшой обзорной статьи Л. З. Копелева.¹¹⁵

Н. М. Карамзин и русский предромантизм

Карамзин, автор «Бедной Лизы» и «Писем русского путешественника», был наиболее крупным представителем русского сентиментализма и предромантизма. На молодого Карамзина сильное воздействие оказали западноевропейские литературы, и среди них особенно немецкая. Поэзия Шиллера, Гете и представителей «Бури и натиска» в оригиналах и в переводах была хорошо известна в России во второй половине XVIII в. Немецкие литераторы Фридрих Максимилиан Клингер¹¹⁶ и Якоб Ленц¹¹⁷ жили и творили в России. От немецкого предромантизма к русскому протянулись живые нити. Предпочитая немецкую литературу французской, Карамзин начал знакомство с ней еще в Москве, в конце 70-х гг., благодаря «Дружескому ученому обществу» Н. И. Новикова.¹¹⁸ Он продолжал знакомство с немецкой беллетристикой и пользовался при этом советами учителя немецкого языка масона А. А. Петрова и А. М. Кутузова,¹¹⁹ друга Радищева, переводчика

¹¹⁴ Giesemann G. Kotzebue in Russland: (Materialien zu einer Wirkungsgeschichte). Frankfurt-am-Main, 1971. (Osteuropa Studien der Hochschulen des Landes Hessen. Reihe III. Frankfurter Abhandlungen zur Slawistik. Bd 14. Hrsgb. von A. Rammelmeyer).

¹¹⁵ Копелев Л. З. Из истории русско-немецких литературных связей. — Вестник истории мировой культуры, 1958, № 4, с. 113—121.

¹¹⁶ Rieger M. Klinger in seiner Reise. Darmstadt, 1896; Смолян О. Л. 1) Клингер в России. — Учен. зап. / Ленингр. пед. ин-т им. А. И. Герцена. Л., 1958, т. 32, ч. 2, с. 31—77; 2) Friedrich Maximilian Klinger: Leben und Werk. Weimar, 1962.

¹¹⁷ Розанов М. Н. Поэт периода «бурных стремлений» Якоб Ленц, его жизнь и произведения. М., 1901. То же см. в переводе на немецкий язык: Rosanow M. N. Jakob M. R. Lenz, der Dichter der Sturm- und Drangperiode. Sein Leben und seine Werke / Vom Verf. autorisierte und durch gesehene Übersetzung. Deutschen von C. von Gütschow. Leipzig, 1909. Reprint: Leipzig, 1972.

¹¹⁸ О нем имеется работа новозеландского литературоведа Б. Холлингворта. См.: Hollingworth B. The Friendly Literary society. — New Zeland slavonic journal, Wellington, 1974, vol. 1, p. 23—41.

¹¹⁹ Brang P. A. M. Kutuzov als Vermittler des westeuropäischen Sentimentalismus in Russland. — Zeitschrift für slavische Philologie, Heidelberg, 1962, Bd 30, H. 1, S. 51—52. Ср. также: Тарасов Е. И. К истории масонства

«Наставления отца к сыну» Х. Ф. Голлерта и «Мессиады» Ф. Г. Клоппштока. Многие Карамзин узнал о культурной и литературной жизни Европы благодаря своему путешествию 1789—1790 гг. по Германии, Швейцарии, Франции и Англии.¹²⁰ Из немецких писателей того времени большое влияние оказали на него Христоф Мартин Виланд (особенно роман «История Агатоны») ¹²¹ и Готхольд Эфраим Лессинг (особенно трагедия «Эмилия Галотти»).¹²² В зарубежном литературоведении с некоторым преувеличением подчеркивается влияние масонов на формирование мировоззрения и раннее творчество Карамзина. Кроме старых работ русских историков Г. В. Вернадского¹²³ и Татьяны Бакуниной¹²⁴ назовем здесь исследования немца Ганса Роте,¹²⁵ корейца Рю Ин Хо,¹²⁶ англичанина С. Л. Бэра.¹²⁷ Преувеличение роли

в России: (Забытый розенкрейцер А. М. Кутузов). — В кн.: Сергею Федоровичу Платонову: Ученики, друзья и почитатели. СПб., 1911, с. 202—234; Лотман Ю. М. «Сочувственник» А. Н. Радищева А. М. Кутузов и его письма к И. П. Тургеневу. — Учен. зап. Тарт. гос. ун-та, 1963, вып. 139, с. 281—296. (Труды по русской и славянской филологии; Вып. 6).

¹²⁰ Подробнее см.: *Bittner K.* Der junge Nikolaj Michajlovič Karamzin und Deutschland. — In: *Herderstudien*/Hrsgb. von W. Wiora. Marburger Götterschungen. Würzburg, 1960, Bd 10, S. 81—94; *Götting D.* Die ästhetischen Kriterien der Dichtungsauffassung Karamzins. — In: *Aus der Geisteswelt der Slaven: Dankesgabe an Erwin Koschmieder überreicht vom Seminar für slavische Philologie der Universität München.* München, 1967, S. 189—217. Упомянем здесь также одну неопубликованную диссертацию: *Davidson D. E.* N. M. Karamzin and German literature: antecedents of Russian romanticism: Ph. D. Diss. Harvard university, 1972.

¹²¹ *Günther K.* Wieland und Russland: Die Wieland-Rezeption in Russland. — *Zeitschrift für Slawistik*, Berlin, 1968, Bd 13, H. 4, S. 496—511; *Danilewskij R. Ju.* 1) N. M. Karamzin und Wieland. — In: *Studien zur Geschichte der russischen Literatur des 18 Jahrhunderts.* Berlin, 1970, Bd 4, S. 373—398; 2) Виланд в русской литературе. — В кн.: *От классицизма к романтизму: На истории международных связей русской литературы.* Л., 1970, с. 298—379; *Winkel zum, H.-J.* Ein Brief Karamzins an Wieland vom Jahre 1789. — In: *Slawistische Studien zum V Internationalen Slawistenkongress in Sofia*/Hrsgb. von M. Braun und E. Koschmieder. Göttingen, 1963, S. 379—381.

¹²² *Данилевский Р. Ю.* Лессинг в русской литературе XVIII века. — В кн.: *Эпоха Просвещения...*, с. 282—306.

¹²³ *Вернадский Г. В.* 1) Русское масонство в царствование Екатерины II. Пр., 1917. (Записки ист.-филол. фак. Петрогр. ун-та; Т. 137); 2) *Le césarevitch Paul et les franc-maçons de Moscou.* — *Revue des études slaves*, Paris, 1923, t. 3, p. 268—285; 3) *Beiträge zur Geschichte der Freimaurerei und des Mystizismus in Russland.* — *Zeitschrift für slavische Philologie*, Leipzig, 1928, Bd 4, S. 162—178.

¹²⁴ *Bakounine T.* Le repertoire biographique des francs-maçons russes. (XVIII et XIX-e siècles). Bruxellès, 1940. Reprint: Paris, 1967. Cp.: *Cross A. G.* British freemasons in Russia during the reign of Catherine the Great. — *Oxford slavonic papers*, 1971, vol. 4 (new ser.), p. 62—72.

¹²⁵ *Rothe H.* N. M. Karamzins Europäische Reise: der Beginn des russischen Romans: Philologische Untersuchungen. Bad Homburg; Berlin; Zürich, 1968, S. 26—45. (1-te Kapitel «Der geistige Hintergrund Karamzins: die Moskauer Freimaurer»).

¹²⁶ *Ryu-In-Ho L.* Moscow freemasons and The Rosicrucian Order. — In: *The Eighteenth century Russia...*, p. 198—232.

¹²⁷ *Baehr S. L.* The masonic component in Eighteenth-century Russian literature. — In: *Russian literature in The Age of Catherine The Great*, p. 124—139.

масонства в интеллектуальной жизни русского общества второй половины XVIII—начала XIX в. стало «общим местом» и в трудах американских историков.¹²⁸ Обычно отмечается увлечение молодого Карамзина философскими учениями европейских мыслителей Мозеса Мендельсона, Шарля Бонне и Иоганна Лафатера.¹²⁹ И это не случайно, потому что подтверждает сложившееся в западноевропейской и американской науке о литературе представление о Карамзине как «ученике Запада», перенесшим в Россию с Запада «гуманистическое начало». Между тем это начало было заложено представителями передовой демократической мысли в России до Карамзина (С. Е. Десницкий, Я. П. Козельский, А. Н. Радищев, Н. И. Новиков).

По мнению Р. Нойхойзера, автора монографии «На путях к веку романтизма», предромантические тенденции в мировоззрении и творчестве у Карамзина появляются в конце 80-х гг. Как предромантик он потерял в то время веру в сентименталистские концепции мировой гармонии и «золотого века» человечества. Природа в миросозерцании писателя из сочувственницы человечества превращается в роковую, то созидющую, то разрушающую, силу; человек — лишь игрушка страшных стихийных сил. Законы общества перестали быть в гармоническом сочетании с законами природы, они теперь противостоят им. Все это и пытался показать Карамзин в своей овеянной романтикой оссиановского Севера повести «Остров Борнгольм» (1794). Один из существеннейших признаков предромантизма — утонченное чувство природы и как следствие его — «пейзажная живопись» в художественных произведениях. Под влиянием Руссо, Стерна, Юнга, Томсона и Грея «пейзажная живопись» появляется и в произведениях Карамзина («Письма русского путешественника», «Весеннее чувство», «К соловью», «Лилия», «Протей, или Несогласие стихотворца», «Деревня»).¹³⁰ В отличие от героя произведений сентиментализма герой литературы предромантизма не принимает жизненный порядок вещей таким, как он есть. Этот герой — бунтарь по природе, героическое и обыденное, доброе и злое при-

¹²⁸ Billington J. The icon and the axe: An interpretative history of Russian culture. New York, 1966; Raëff M. Origins of the Russian intelligentsia: The Eighteenth century nobility. New York, 1966.

¹²⁹ Rothe H. N. M. Karamzins Europäische Reise..., S. 66—69; Pamp F. Charles Bonnet und Karamzin. — Revue de littérature comparée, Paris, 1956, vol. 30, N 1, p. 87—92. Под углом зрения интереса Н. М. Карамзина к философии Ш. Бонне рассматривается и перевод стих. Ф. Маттисона «Сильфида». См.: Harder H. B. Eine unbeachtete russische Matthisson-Übersetzung: Zur Datierung und zur Bestimmung des Autors eines N. M. Karamzin zugeschriebenen Gedichts. — In: Ost und West: Aufsätze zur slavischen Philologie / Hrsgb. von A. Rammelmeyer. Wiesbaden, 1966, Bd 1, S. 1—10. Ср.: Кочеткова Н. Д. Идеино-литературные позиции масонов 80—90-х годов XVIII в. и Н. М. Карамзин. — В кн.: XVIII век: Русская литература XVIII века. М.; Л., 1964, сб. 6, с. 176—196.

¹³⁰ Подробнее об этом см.: Wissemann H. Wandlungen des Naturgefühls in der neuen russischen Literatur. — Zeitschrift für slavische Philologie, Heidelberg, 1960, Bd 28, H. 2, S. 303—332.

чуждому сочетается в нем, как в героях драм Шиллера. Новый терей для русской литературы был открыт в предромантических писани и прозе Карамзина 1789—1793 гг. В романе «Письма русского путешественника», в повестях «Бедная Лиза», «Наталья, боярская дочь», «Остров Борнгольм», «Сиерра-Моропа», «Юлия» Карамзин значительно расширил возможности русской литературы, обратившись к раскрытию богатой духовной жизни «внутреннего человека», его «из». ¹³¹ К середине 90-х гг., после смерти А. А. Петрова и усиления политической реакции в Европе и России, Карамзин меняет свои идейные и художественные позиции: он отходит от предромантизма и обращается к сентиментализму. ¹³²

Зарубежная научная литература о Карамзине огромна. ¹³³ Автор «Бедной Лизы» был едва ли не самым популярным русским писателем, произведения которого еще при его жизни перевели на европейские языки, их читали и помещали на них отклики

¹³¹ Жанровое новаторство Карамзина в создании жанра русской баллады отмечал еще до войны немецкий исследователь Ф. В. Нойманн, представлявший «Ostforschung». См.: *Neumann F. W. Geschichte der russischen Ballade*. Königsberg; Berlin, 1937, S. 27. (Подробнее см.: *Алексеев М. П.* К литературной истории баллады «Граф Гваринос». — В кн.: Державин и Карамзин в литературном движении XVIII—начала XIX века, с. 179—189). Ф. В. Нойманн в этом, как и во многих других своих трудах, стремится не чтобы то ни стало доказать определяющее влияние немецкой литературы на русскую, в частности и на Карамзина. (См., например: *Neumann F. W. Deutschland in russische Schriften*. — *Die Welt der Slaven*, Wiesbaden, 1960, Jhr. 5, H. 2, S. 113—130). Cp.: *Rammelmeyer A. Russische Literatur in Deutschland*. — In: *Deutsche Philologie in Abriss*. 2 überseh. Auflage. Berlin; Bielefeld; München, 1957, Bd 3, S. 439—479.

¹³² См.: *Лотман Ю. М.* Эволюция мировоззрения Карамзина (1789—1803) — Учен. зап. / Тарт. ун-т. Тарту, 1957, т. 51, с. 122—162. (Труды ист.-филол. фак.); *Кислягина Л. Г.* 1) К вопросу о развитии социально-политических взглядов Н. М. Карамзина в 10-х годах XVIII в.: Карамзин и Великая Французская буржуазная революция. — Вестник МГУ. Сер. истории, 1968, № 5, с. 33—44, то же на англ. яз. в кн.: *Essays on Karamzin: Russian man of letters, political commentator, historian*. 1766—1826. The Hague, 1974, p. 91—104; 2) Формирование общественно-политических взглядов Н. М. Карамзина. (1785—1803 гг.). М., 1976; *Rothe H. N. M. Karamzins Europäische Reise*, ..., S. 245—371 (6 Kapitel «Die Krise der Jahre 1793 and 94»); *Neuhäuser R.* 1) Karamzin's spiritual crisis of 1793 and 1794. — In: *Essays on Karamzin*, ..., p. 56—74; 2) Towards The Romantic Age..., p. 178—192.

¹³³ См. следующие библиографические обзоры: *Rothe H.* 1) Die Entwicklung der Karamzinforschung seit ihren Anfängen. — *Zeitschrift für slavische Philologie*, Heidelberg, 1968, Bd 38, H. 1, S. 129—148; 1969, Bd 39, H. 2, S. 385—396; 2) Karamzinstudien. 1—2. — *Ibid.*, 1960, Bd 29, S. 102—125; 1962, Bd 30, S. 272—306; *Cross A. G.* Karamzin studies: for the bicentenary of the birth of N. M. Karamzin. — *The slavonic and east european review*, London, 1967, vol. 45, N 104, p. 1—41; *Garrard J. G.* Karamzin in recent soviet criticism: a review article. — *The slavic and east european journal*. Bloomington, 1967, vol. 11, N 4, p. 464—472; *Black J. L.* The soviets and the anniversary of N. M. Karamzin. — *The new review: a journal of east european history*, Toronto, 1968, vol. 18, p. 139—147; A bibliography of English-language scholarship on Eighteenth-century Russian literature, thought and culture (1900—1974) / Comp. by A. G. Cross and G. S. Smith. — In: *Russian Literature in The Age of Catherine The Great*..., p. 210—212.

в журналах.¹³⁴ Переводы художественной, публицистической и исторической прозы Карамзина продолжают выходить в свет и в наше время. Так, в 1957 г. были опубликованы «Письма русского путешественника» в переводе на английский язык Флоренса Ионаса,¹³⁵ в 1959 г. — «Записка о древней и новой России» в переводе Ричарда Пайпса.¹³⁶ Отдельные сочинения автора «Бедной Лизы» помещались в сборниках и антологиях в переводах на английский язык Марка Разфа,¹³⁷ Гарольда Сегеля,¹³⁸ Генри Небеля,¹³⁹ Карла Проффера,¹⁴⁰ Джозефа Блэка.¹⁴¹ В 1959 и в 1964 гг. в Берлине был переиздан первый немецкий перевод Иоганна Рихтера «Писем русского путешественника» Карамзина.¹⁴²

Рассмотрим зарубежные литературоведческие труды о раннем Карамзине в порядке их выхода в свет за последние три десятилетия. Американский литературовед Гораций Дьюи посвятил свой доклад на IV Международном съезде славистов проблеме сентиментализма в исторических трудах писателя.¹⁴³ Под сентиментализмом автор понимает чисто литературное течение, независимое от общественной борьбы, которое возникло в России под влиянием Запада. Он утверждает, что Карамзин использовал концепцию Руссо для развития собственных патриотических и монархических взглядов в «Истории государства Российского».

Западногерманский литературовед Эрвин Ведель три своих работы посвятил сравнению творчества Радищева и Карамзина.¹⁴⁴

¹³⁴ Cross A. G. 1) Karamzin and England. — The slavonic and east european review, London, 1964, vol. 43, N 100, p. 91—114; 2) Karamzin in English: a review article. — Canadian slavic studies, Pointeclaire, 1969, vol. 3, p. 76—78; Быкова Т. А. Переводы произведений Карамзина на иностранные языки и отклики на них в иностранной литературе. — В кн.: Державин и Карамзин в литературном движении XVIII—начала XIX века, с. 324—342; Essays on Karamzin..., p. 221—222; Black J. L. Nicholas Karamzin and Russian society in the Nineteenth century: A study in Russian political and historical thought. Toronto; Buffalo, 1975, p. 248—249.

¹³⁵ Karamzin N. M. Letters of a Russian traveler / Translated by F. Jonas. New York, 1957.

¹³⁶ Pipes R. Karamzin's Memoir on Ancient and Modern Russia. A translation and analysis. Cambridge (Mass.), 1959.

¹³⁷ Russian intellectual history: an anthology / Ed. by M. Raeff. New York, 1966.

¹³⁸ The literature of Eighteenth century Russia / Ed. by H. B. Segel. New York, 1967, vol. 1.

¹³⁹ The selected prose of N. M. Karamzin / Ed. by H. Nebel. Evanston (Illinois), 1969.

¹⁴⁰ From Karamzin to Bunin: an anthology of Russian short stories / Ed. by K. Proffer. Bloomington, 1969, p. 53—67.

¹⁴¹ Essays on Karamzin.

¹⁴² Karamzin. Briefe eines russischen Reisenden. Deutsch von Johann Richter (1798). Berlin, 1964.

¹⁴³ Dewey H. W. Sentimentalism in the historical writings of N. M. Karamzin. — In: American contributions to The Fourth International Congress of slavists (Moscow, september 1958). The Hague, 1958, p. 41—50.

¹⁴⁴ Wedel E. 1) Radiščev und Karamzin. — Die Welt der Slaven, Wiesbaden, 1959, Jhrg. 4, H. 1, S. 38—65; 2) A. N. Radiščevs «Reise von Petersburg nach Moskau» und N. M. Karamzins «Reisebriefe eines Russen». 1—2. Die Welt der Slaven, Wiesbaden, 1959, Jhrg. 4, H. 3, S. 302—327, H. S. 435—443.

Он подчеркивает близость художественных позиций авторов «Путешествия из Петербурга в Москву» и «Писем русского путешественника», объясняя их общностью художественно-эстетической позиции и рамках одного метода — сентиментализма.

В капитальной монографии швейцарского исследователя Пьера Бранга, посвященной генезису жанру русской повести конца XVIII — начала XIX в., уделяется немало внимания анализу ранних повестей Карамзина, их сюжета, композиции, образов, мотивов и стилей.¹⁴⁵ Однако при идейное содержание анализируемых повестей, при предромантические тенденции в них П. Бранга не интересуют. Художественный метод писателя автор монографии также не считает предромантическим: он скорее основан на сочетании сентиментализма с рококо.¹⁴⁶ Известный интерес представляет отмеченная швейцарским исследователем близость отдельных мотивов повестей Карамзина с мотивами рассказов Антона Валя (псевдоним Христиана Леберехта Хейне) из его «Мелочей». Недостаток монографии — игнорирование связи произведений Карамзина с общественно-политической жизнью России того времени. Небольшим легковесным выглядит предположение П. Бранга, высказанное им в другой работе, о том, что Наталья, боярская дочь — предшественница образа Татьяны Лариной из романа в стихах Пушкина «Евгений Онегин».¹⁴⁷

Вальтер Шамшула, немецкий литературовед, в своей монографии «Русский исторический роман от классицизма до романтизма» отдает должное Карамзину как зачинателю реформы русского литературного языка и создателю новой исторической прозы («Наталья, боярская дочь» и «Марфа Посадница»)¹⁴⁸

Оживлению научного интереса к жизни и творчеству автора «Ведной Лизы» немало способствовал 200-летний юбилей писателя, отмечавшийся общественностью многих стран в 1966 г. В 60—70-е гг. за рубежом вышло много статей и книг о Карамзине, во многих из них как рефрен повторяется мысль, что в науку до сих пор не существует полного научного собрания сочинений этого писателя, что весьма отрицательно сказывается на изучении русского предромантизма.¹⁴⁹ Среди исследований и две статьи чехословацкого ученого Юлиуса Доланского, выска-

¹⁴⁵ Brang P. Studien zur Theorie und Praxis der russischen Erzählung, 1770—1811. Wiesbaden, 1960, S. 125—169. См. рец.: Grasshoff H. — Deutsche Literaturzeitung, Berlin, 1961, H. 1—2, Sp. 1106—1109; Кочеткова Н. Д. Русская повесть конца XVIII—начала XIX века в оценке швейцарского исследователя. — Русская литература, 1964, № 2, с. 198—201. Ср.: Канунова Ф. З. Из истории русской повести: (Историко-литературное значение повестей П. М. Карамзина). Томск, 1967.

¹⁴⁶ Brang P. Studien zur Theorie..., S. 115—125.

¹⁴⁷ Brang P. «Natal'ja, bojarskaja doč» und Tatjana Larina. — Zeitschrift für slavische Philologie, Heidelberg, 1959, Bd 27, H. 2, S. 348—362.

¹⁴⁸ Schamschula W. Karamzin. — In Schamschula W. Der russische historische Roman vom Klassizismus bis zur Romantik. Meisenheim-am-Glan, 1961, S. 51—61.

¹⁴⁹ Cross A. G. Karamzin studies: for the bicentenary of the birth..., p. 3—11.

завшего предположение, что возможным источником «Бедной Лизы» была повесть венского литератора Йозефа Зоненфельса «Ларисса».¹⁵⁰

Переходим теперь к характеристике монографических трудов. Первый из них — книга американского литературоведа Генри Небеля «Н. М. Карамзин — русский сентименталист».¹⁵¹ Это интересная попытка ввести творчество русского писателя в круг проблем европейского предромантизма, преодолевая недооценку европейским литературоведением (Пол Ван Тийгем и Стюарт Пратт Эткинс) роли автора «Бедной Лизы» в общем потоке литературы предромантизма и сентиментализма. В первой и второй главах монографии — «Москва. Приезд» (с. 13—35) и «Москва и С.-Петербург» (с. 36—49) — освещаются основные этапы творческой деятельности писателя с 1777 по 1826 г. В третьей и четвертой главах — «Предромантическое движение до Карамзина» (с. 50—83) — рассматриваются основные факты истории русской литературы второй половины XVIII в. под углом зрения вхождения России в общеевропейский историко-литературный процесс; подробно говорится о генезисе основных родов русской литературы того времени — лирики, романа и драмы. При этом американский исследователь употребляет термины «предромантизм» и сентиментализм как синонимы. Взаимодействие же литератур рассматривается им упрощенно, в духе компаративизма, как «влияния». Пятая и шестая главы книги посвящены теории и практике поэзии у Карамзина (с. 84—116), седьмая — «Бедной Лизе» (с. 117—131), восьмая — историческим, «нравственным» и романтическим повестям (с. 132—153), девятая — «Письмам русского путешественника» (с. 154—170). При анализе каждого произведения Карамзина автор монографии ищет «иностранные влияния» и ими определяет существо и характер сентиментализма русского писателя. Это значительно обесценивает монографию. В приложении к книге сообщаются основные факты о переводах художественных произведений европейского предромантизма на русский язык (с. 177—179) и дается библиография (с. 180—184).

Монография западногерманского литературоведа Ганса Роте «Европейское путешествие Карамзина: начало русского романа» относится к числу весьма серьезных и капитальных книг о Карамзине, которые когда бы то ни было выходили.¹⁵² Главная

¹⁵⁰ Dolanský Ju. 1) Karamzin und Sonnenfels. — In: Studien zur Geschichte der russischen Literatur des 18 Jahrhunderts. Berlin, 1968, Bd 2, S. 358—374; 2) Deutsche Vorgänger von Karamzins «Die arme Lisa». — In: Slawisch-Deutsche Wechselbeziehungen in Sprache, Literatur und Kultur / Hrsgb. von W. Krauss, Z. Stieber, J. Belić, V. I. Borkovskij. Berlin, 1969, S. 310—320.

¹⁵¹ Nebel H. M. N. M. Karamzin: A Russian sentimentalist. The Hague; Paris, 1967. 190 p. (Slavistic printings and reprintings. Vol. 60). См. пол.: Cross A. G. — The slavonic and east european review, London, 1968, vol. 40, N 106, p. 226—228.

¹⁵² Rothe H. N. M. Karamzin's Europäische Reise: Der Beginn des russischen Romans. Philologische Untersuchungen. Bad Homburg v. H.; Berlin;

цель работы — показать новаторство и заслуги Карамзина в создании совершенной художественной прозы, и прежде всего «первого русского романа» «Письма русского путешественника». Автор отвергает формалистический подход к литературным произведениям, отказывается от скомпрометированной компаративистами теории влияний. Ранее Г. Роте выступил со специальной статьей, показав на примере творчества писателя-сентименталиста М. Н. Муравьева своеобразие его художественного мировоззрения и поэтики.¹⁵³ В рецензируемой книге Г. Роте, широко привлекая западноевропейские литературные источники, пытается раскрыть историческую прогрессивность культурных контактов между народами и национальное своеобразие Карамзина как писателя. На первый план выступает формирование идейно-эстетических и литературных принципов самого Карамзина как самостоятельного русского писателя (гл. 1. «Духовные основы мировоззрения Карамзина: московские масоны» с. 26—45; гл. 2. «Начало Карамзина. 1785—1789», с. 46—73; гл. 3. «Образовательное путешествие 1789—1790. „Московский журнал“ 1791—1792», с. 74—95). В первых трех главах художественная ткань ранней поэзии и прозы автора «Бедной Лизы» подвергается скрупулезному разбору в духе немецкой школы филологических исследований профессора Альфреда Раммельмайера. Центральное место здесь занимает творческая история «Писем русского путешественника» (в гл. 4 и 5 на с. 96—156, 157—244). Текст романа расчленяется на 268 эпизодов. Все содержание «Писем русского путешественника» рассматривается по определенной формальной схеме. «1. Образующие факторы „Писем“ — веселое или идиллическое, трагическое, ироническое или комическое, смешение чувств, примечательные места в „Письмах“. 2. Эпизоды „Писем“. 3. Упражнения в композиции и иронический стиль. 4. Построение эпических элементов по способу контраста, описания природы, герой в эпизодах, развитие мотивов, рассказчик, вставные новеллы в „Письмах“. 5. Самостоятельные повести из „Московского журнала“ и их отношение к „Письмам“». Анализ сопровождается многочисленными графическими схемами, которые должны наглядно проиллюстрировать мысли автора о том, что перед нами незаурядное произведение словесного искусства. Творческий путь писателя с 1793 по 1803 г. рассматривается в последующих 6—8 главах (с. 245—436). Но для нас представляют особый интерес первые пять глав монографии, в которых раскрывается связь Карамзина с европейским предромантизмом, хотя автор и не употребляет этого термина, ограничиваясь суммарным описанием литературного направле-

Zürich, 1968. (Bausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slaven). См. рец.: Кочеткова Н. Д. Монография о литературном творчестве Карамзина. — Русская литература, 1971, № 3, с. 225—228; Hajner S. — Anzeiger für slavische Philologie, Graz; Köln, 1971, Bd 5, S. 137—146.

¹⁵³ Rothe H. Zur Frage von Einflüssen in der russischen Literatur des 18 Jahrhunderts. — Zeitschrift für slavische Philologie, Heidelberg, 1966, Bd 33, H. 1, S. 21—68.

ния, к которому он безоговорочно относит все творчество Карамзина. Пользование книгой Роте облегчают указатели, перечни источников и использованной литературы (с. 443—475).

Датский исследователь Мадс Эстерби посвятил свою небольшую работу повести «Остров Борнгольм». ¹⁵⁴ Он рассматривает это предромантическое произведение под углом зрения мотива «экзотического острова». Автор вспоминает сына датского аптекаря Готфрида Беккера, с которым в Женеве встречался и разговаривал молодой Карамзин; эти разговоры могли подсказать Карамзину тему для будущего произведения. Швейцарский литературовед Витольд Косны обратил внимание на своеобразие исторического повествования Карамзина (повесть «Наталя, боярская дочь»). ¹⁵⁵ Французский историк литературы Жан Луи Ван Режи-мортер сравнил образ Лизы из повести «Бедная Лиза» с образом Анюты из главы «Едрово» «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева, используя положения известной работы Н. К. Пиксанова, но без ссылок на нее. ¹⁵⁶

Крупная монография, посвященная изучению творчества Н. М. Карамзина за 20 лет — с 1783 по 1803 г., вышла в свет в 1971 г. из-под пера А. Г. Кросса. ¹⁵⁷ Книга обращена к английскому и американскому читателю, и потому популярный стиль изложения основных фактов биографии и творческой деятельности писателя оправдан. А. Г. Кросс значительно расширяет круг ранее привлекавшихся источников; целый ряд литературных фактов он установил сам; например, изучив содержание журнала «Детское чтение», английский исследователь убедился, что одна из повестей, считавшаяся переводом из Жанлис, на самом деле является оригинальным произведением Карамзина. ¹⁵⁸ Монография состоит из «Введения» и восьми глав. Во «Введении» (с. XIII—XXI) автор сформулировал основную цель своего исследования: определить, какой вклад внес Карамзин в развитие русской литературы. Названия глав наглядно демонстрируют, на анализе ка-

¹⁵⁴ Østerby M. N. M. Karamzins «Bornholm». — In: Studien zur Geschichte der russischen Literatur des 18 Jahrhunderts/Hrsgb. von H. Grasshoff und U. Lehmann unter Mitarbeit von A. Lauch und R. Loew. Bd 4. Dem Andenken P. N. Berkov 1896—1969. Berlin, 1970, S. 251—281.

¹⁵⁵ Košny W. Zum Problem der historischen Erzählung bei N. M. Karamzin. — Die Welt der Slaven, Wiesbaden, 1968, Jhrg. 13, H. 3, S. 251—281.

¹⁵⁶ Regemorter J.-L., van. Deux images idéales de la paysannerie russe à la fin du XVIII-e siècle. — Cahiers du monde russe et soviétique, Paris, 1968, vol. 9, N 1, p. 5—19.

¹⁵⁷ Cross A. G. N. M. Karamzin: A study of his literary carrer. 1783—1803. Carbondale; Edwards; London; Amsterdam, 1971, 24. См. рец.: Кочеркова Н. Д. Новая книга о Карамзине. — Русская литература, 1973, № 2, с. 241—245. Отдельные части монографии публиковались в виде статей: Cross A. G. 1) Problems of form and literary influence in the poetry of N. M. Karamzin. — Slavic review, Washington, 1968, vol. 27, N 1, p. 39—48; 2) N. M. Karamzin's «Messenger of Europe» (Vestnik Yevropy), 1802—1803. — In: Forum for modern language studies. Washington, 1969, vol. 5, N 1, p. 1—25; 3) Karamzin's first short story? — In: Russia: Essays in history and literature / Ed. by Lyman Legters. Leiden, 1972.

¹⁵⁸ Cross A. G. Karamzin's first short story?

ких литературных фактов автор монографии строит свои выводы: «Годы формирования» (1766—1790), с. 1—34; «Московский журнал» (1791—1792), с. 35—65; «Письма русского путешественника» (1791—1801), с. 66—95; «Сентиментальная проза» (1789—1803), с. 96—142; «От „Аглаи“ к „Пантеону российских авторов“» (1793—1801), с. 143—171; «Стихи Карамзина и „Аониды“», (1796—1799), с. 172—192; «Вестник Европы», 1802—1903, с. 193—217; «В храме истории», с. 218—232. В конце монографии содержится перечень оригинальных и переводных рецензий «Московского журнала», примечания и библиография. Несомненная заслуга А. Г. Красса — установление источников и западноевропейских параллелей для большинства ранних произведений писателя, что само по себе весьма примечательно в плане интересующих нас проблем предромантизма. Так, например, А. Г. Кросс усматривает сходство «Бедной Лизы» сразу с несколькими произведениями европейских литератур: «Гамлетом» Шекспира, «Страданиями молодого Вертера» Гете, «Лавинией» Томсона, «Памелой», «Клариссой» и «Грандисоном» Ричардсона, идилиями Геснера. Английский литературовед эмпирически подошел к творчеству Карамзина: установив факты «культурного просвещения» и «влияний», он устранился от их истолкования в связи с художественным методом сентиментализма и предромантизма. Поэтому по своему значению книга А. Г. Красса уступает обобщающим историко-литературным трудам Г. Небеля и Г. Роте, рассмотренным выше. В работе, где поиски западных параллелей и влияний занимают значительное место, ее автор был вынужден признать, что в период издания «Вестника Европы» Карамзин «смотрел на Запад уже не как ученик, но как равный, преисполненный сознанием своих собственных достижений и возможностей России» (с. 230). Мы полагаем, что национальная специфика автора «Бедной Лизы» в полной мере проявилась уже в его ранних предромантических произведениях 90-х гг. XVIII в.

Анализу повествовательной техники Карамзина посвящена монография американского исследователя Роджера Андерсона «Проза Н. М. Карамзина. Рассказчик в повести. Исследование нарративной техники».¹⁵⁹ Она основана на изучении произведений предромантического периода творчества писателя от «Писем русского путешественника» до «Сиерры-Морены». Книга состоит из предисловия, введения и четырех глав. Во «Введении» (см. 18—27) излагаются теоретические основы аналитического подхода; выясняется, что Р. Андерсон во многом исходит из формалистической работы Нормана Фрайдмена «Точки зрения в художест-

¹⁵⁹ *Anderson R. B. N. M. Karamzin's prose: The teller in the tale: a study in narrative technique.* Houston, Texas, 1974. См. также: *Anderson R. B. 1) The «split personality» of the narrator in N. M. Karamzin's «Pisma russkogo putešestvennika»: a textual analysis.* — *Études slaves et est-européennes*, Montreal, 1968, vol. 13, p. 20—21; 2) *Karamzin's concept of linguistic «Cosmopolitanism» in Russian literature.* — *Studies by members of SCMLA*, 1971, vol. 31, N 4, p. 168—170.

венной прозе: развитие критической концепции».¹⁶⁰ Р. Андерсон и пытается выяснить, в чем именно состоит «точка зрения» Карамзина, предопределившая выбор тех или иных художественных приемов построения романа и повестей. Это видно из названий глав: 1 — «Искусство образования. „Письма русского путешественника“», с. 28—70; гл. 2 — «Утверждающий оптимизм. Первая группа повестей — „Бедная Лиза“, „Наталья, боярская дочь“, „Прекрасная царевна и счастливый карлик“, „Юлия“», с. 71—125; гл. 3 — «Утрата надежды. Вторая группа повестей — „Остров Борнгольм“, „Сьерра-Морена“, „Моя исповедь“» с. 126—163; гл. 4 — «Эксперименты со временем и пространством. Третья группа повестей — „Рыцарь нашего времени“, „Чувствительный и холодный“, „Марфа Посадница“», с. 164—208. Первые три главы монографии имеют непосредственное отношение к предромантическим веяниям в творчестве автора «Бедной Лизы». Однако достижению позитивных результатов мешает методология автора монографии: он пытается в духе компаративизма сблизить Карамзина с литературой западноевропейского сентиментализма, стремится доказать «имитационнообразную зависимость» художественной ткани произведений Карамзина от сентиментальных «топои» лучших творений Макферсона, Руссо, Стерна, Филдинга, Ричардсона, Шиллера, Гете, Грея, Томсона, Юнга и др. В карамзиниане монография Р. Андерсона подводит своеобразный итог компаративистских исследований, начатых капитальной работой Э. Д. Симмонса в 1935 г.

Канадский историк Джозеф Лоуренс Блэк — организатор международного сборника статей, посвященных 200-летию со дня рождения Карамзина и небезынттересных для проблематики предромантизма.¹⁶¹ В предисловии к сборнику (на с. 7—8) он высказал мысль, что настоящий сборник продолжает традиции Симбирского юбилейного сборника 1867 г. и внесет свой вклад в изучение проблем карамзинианы. Во «Введении» дается краткий очерк издания и изучения творческого наследия Карамзина за 150 лет, и особенно «Истории государства Российского». Р. Б. Андерсон в статье «„Письма русского путешественника“: образование в духе западного сентиментализма» (с. 22—39) стремится показать, развивая положения монографии Э. Д. Симмонса, в чем состоит тесная связь упомянутого произведения Карамзина с европейской литературой сентиментализма. По Андерсону, Карамзин — только «робкий ученик западных мыслителей», верный проводник их влияния. Американский исследователь Джон Гаррард посвятил статью «Бедный Эраст, или точка зрения Карамзина» (с. 40—55) анализу «Бедной Лизы». Продолжая исследования В. В. Сипов-

¹⁶⁰ *Friedman N. Point of view in fiction: the development of a critical concept.* — In: *Approaches to the novel* / Ed. by R. Scholes. San Francisco, 1961, p. 113—142.

¹⁶¹ *Essays on Karamzin: Russian man-of-letters, political thinker, historian, 1766—1826* / Ed. by J. L. Black. The Hague; Paris, 1975. 232 p. (Slavistic printings and reprintings. Vol. 309).

ского и П. Бранга, автор пытается проследить более глубокие связи между «Страданиями молодого Вертера» Гете и повестью Карамзина «Бедная Лиза»: они состоят не столько в сходстве идей и образов произведений, сколько в повествовательной технике и стиле. Р. Нойхойзер в статье «Духовный кризис Карамзина в 1793 и 1794 гг.» (с. 56—74), развивая отдельные положения своей монографии, дает интересный и глубокий анализ постепенных изменений идейной и художественной позиций писателя в 1793—1794 гг., периоде его отхода от предромантизма и обращения к сентиментализму. А. Г. Кросс в статье «Карамзинские разновидности идиллии» (с. 75—90) прослеживает связи Карамзина с идиллиями швейцарского писателя Саломона Геснера.¹⁶² Общественно-политической и мировоззренческой позиции писателя в 80—90-е годы XVIII в. посвящена статья советской исследовательницы Л. Г. Кислягиной (с. 91—104). Американский историк Ричард Пайпс рассматривает концепцию монархии в трудах Карамзина (с. 105—126).¹⁶³ Д. Л. Блэка интересуют «Примечания» к «Истории государства Российского» (с. 127—147).¹⁶⁴

Последней в сборнике напечатана статья Г. Роте «Карамзин и его наследие: история легенды» (с. 148—190). Это весьма содержательный обзор борьбы мнений вокруг наследия Карамзина, в том числе «Истории государства Российского». «Пришло время, — утверждает Г. Роте, — опубликовать произведения Карамзина полностью, освободить его от собственной легенды. Только таким путем можно освободить Карамзина от мифических образов, так же как Григорьев и филологи его времени освободили русскую историю» (с. 190). В конце сборника издаются в переводе на английский язык отдельные сочинения писателя («Мнения русского гражданина», «Мысли об истинной свободе», отрывки из «Истории государства Российского»); приложена и библиография.

¹⁶² То же над. по-русски: Кросс А. Г. Разновидности идиллии в творчестве Карамзина — В кн.: XVIII век: Державин и Карамзин в литературном движении XVIII—начала XIX века. Л., 1969, сб. 8, с. 210—228.

¹⁶³ См. также: Pipes R. 1) Karamzin's conception of the monarchy. — Harvard slavic studies, Cambridge (Mass.), 1957, vol. 4 (Russian thought and politics), p. 35—58; 2) Karamzin's Memoir on Ancient and Modern Russia / A translation and analysis by R. Pipes. Cambridge (Mass.), 1959.

¹⁶⁴ Карамзину-историку Д. Л. Блэк посвятил монографию и несколько статей. См.: Black J. L. 1) Nicholas Karamzin and Russian society in the nineteenth century: a study in Russian political and historical thought. Toronto; Buffalo, 1975; 2) N. Karamzin's views on Peter The Great. — The new review: a journal of east european history, Toronto, 1966, vol. 6, p. 20—37; 3) Karamzin's scheme for Russian history. — In: Eastern Europe: historical essays / Ed. by H. C. Schlieper. Toronto, 1969, p. 13b—33; 4) Karamzin, Napoleon and the notion of «Defensive war» in Russian history. — Canadian slavonic papers, Toronto, 1970, vol. 12, p. 30—46; 5) The «State school» interpretation of Russian history: a reappraisal of its genetic origins. — Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Wiesbaden, 1973, Jhrg. 21, p. 509—530. Из крупных работ о Карамзине-историке назовем также следующие: Bächtold R. Karamzins Weg zur Geschichte. Basel, 1946; Mazour A. G. Modern Russian historiography. Princeton, 1958, p. 62—74.

В 1975 г. в США издательством «Твэйн паблишерс» была выпущена в свет монография советской исследовательницы Н. Д. Кочетковой «Николай Карамзин».¹⁶⁵ Книга восполняет существенный пробел в зарубежном литературоведении, во многом противостоит распространенным на Западе мнениям о Карамзине как подражателе европейских писателей. Это подробное, систематическое изложение биографии и творческого пути писателя, о чем свидетельствует и структура монографии: «Предисловие», «Ранние произведения», «Московский журнал», «Избранные сочинения и альманахи. 1794—1801», «Вестник Европы», «История государства Российского», «Заключение». К книге приложены хронологические и транслитерационные таблицы, заметки и примечания, библиография. Н. Д. Кочетковой удалось показать национальные истоки творчества автора «Бедной Лизы»; он использовал достижения европейских литератур, исходя из потребностей развивавшейся новой русской литературы, литературы сентиментализма. Проблематика предромантизма в книге не рассматривается.

В. А. Жуковский и русский предромантизм

Еще до войны француженка Марсель Эпар опубликовала солидную монографию «В. А. Жуковский и русский предромантизм».¹⁶⁶ Книга, во многом основанная на достижениях русской дореволюционной науки,¹⁶⁷ посвящена жизни и творчеству автора «Светланы». Она состоит из пяти частей. В первой части — «Формирование и среда» (с. 7—124) — излагается биография и творческий путь поэта, во второй части — «Личные произведения» (с. 125—226) — рассматриваются основные, с точки зрения французской исследовательницы, факторы творчества Жуковского — «вдохновение официальное», «вдохновение сентиментальное», «религиозный, политический и поэтический идеализм», «внешний мир». Третья часть — «Произведения переводческие» (с. 227—353) — посвящена методам художественного перевода с французского, английского, немецкого и древних языков; в четвертой части — «Форма» (с. 353—409) — обсуждаются вопросы языка, ритма, строфики и метрики поэзии Жуковского. Считая Жуковского учеником Карамзина и продолжателем традиций XVIII в. в русской литературе XIX в., М. Эпар говорит о предромантиче-

¹⁶⁵ *Kochetkova N. D. Nikolay Karamzin*. Boston, 1975. (Twayne's World authors series. A survey of the World's literature / Gen. ed. Sylvia E. Bowman, Indiana university). Ср. также: *Кочеткова Н. Д.* Русский сентиментализм: (Н. М. Карамзин и его окружение). — В кн.: *Русский романтизм* / Отв. ред. К. Н. Григорьян. Л., 1978, с. 18—37.

¹⁶⁶ *Ehrhard M. V. A. Joukovski et Le Prérromantisme russe*. Paris, 1938. (Bibliothèque de l'Institut française de Léningrad. T. 17).

¹⁶⁷ См., например: *Веселовский А. Н.* В. А. Жуковский: Поэзия чувства и «сердечного воображения». Пг., 1918.

ских тенденциях, имея в виду западноевропейский сентиментализм. Вот что она пишет, например, в заключении: «Не будучи, однако, ни в коей мере революционером, Жуковский, следуя более своему таланту восприимчивости, нежели созидания, был крайне восприимчив, по меньшей мере в период созревания своего таланта, к интеллектуальной и литературной обстановке, которая царилла тогда во всей Европе. В той России, которая казалась тогда настолько далекой и француз и англичанину, он получил образование в своих основных чертах достаточное, похожее на то, которое могли получить англичанин и француз в то время в своих странах; Батте и Лагарп сформировали его литературный вкус, Стерн и Руссо — его чувствительность. Следы этого первого воздействия были неизгладимы; бессознательная верность принципам французского классицизма имела для него значение в развитии такого понимания, чтобы защитить себя от некоторых крайностей. И тогда на этой основе к нему привились новые чувствования, которые возникли в западной литературе, он оставил классицизм и, переполненный литературой, оставил также на долгое время „узды рассудочности“. С большим или меньшим опозданием все течения, которые волновали европейские литературы, дошли до него; медитации Грея логически привели его к идеализму Шиллера, баллады Перси к балладам Бюргера, Гете, Уланда, Вальтера Скотта; импульс, данный Гердером, толкнул его на поэмы Востока и „Одиссею“. Он получил все это и реализовал полученное в русской поэзии».¹⁶⁸ Таким образом, М. Эарр изображает Жуковского в духе компаративизма «учеником Запада», проводником его идей и достижений в русской литературе. При этом понятие «предромантизм» используется ею в узком смысле — как этап в творческой биографии большого художника. К работе М. Эарр примыкают многие зарубежные исследования о Жуковском как поэте-переводчике, в том числе такие, как книги Мэтью Фольма, Хильдегард Эйхштедт и др.¹⁶⁹

Положения монографии М. Эарр о Жуковском во многом устарели, особенно после работ советских ученых Б. М. Эйхенбаума, Г. А. Гуковского, Ц. С. Вольпе, Н. В. Измайлова, Б. С. Мейлаха, И. М. Семенко, Ф. З. Кануновой, Р. В. Иезуитовой и др. Однако взгляд на предромантические тенденции или даже на предромантический период в творчестве раннего Жуковского полное имеет право на существование и может быть в результате новых исследований уточнен, конкретизирован.

И в наши дни проблемы русского предромантизма волнуют филологов. На международном симпозиуме «Славянские культуры

¹⁶⁸ Ehrhard M. V. A. Joukovski et Le Préromantisme russe, p. 410—411.

¹⁶⁹ См.: Voim M. W. A. Zhukowski als Übersetzer. Th. 1—4. Ann Arbor (Michigan), 1975; Eichschdt H. Zhukovskij als Übersetzer. München, 1970. Подробнее см.: Левин Ю. Д. 1) Зарубежные работы о переводном творчестве В. А. Жуковского. — Русская литература, 1973, № 3, с. 229—235; 2) Исследование русских переводов немецкой поэзии. — Там же, 1976, № 3, с. 218—221.

в истории европейских культур с XVIII до XX века» в Берлине в 1976 г.¹⁷⁰ и на IX Международном съезде славистов в Киеве в 1983 г.¹⁷¹ обсуждались малоизученные проблемы предромантизма. Так, немецкий исследователь Хорст Шмидт в своем докладе «Русский романтизм и его европейские связи»¹⁷² разделяет понятия «литературное направление» и «исторический этап в развитии национальной культуры»; он полагает, что новый «национальный этап по глубине, с которой он изучает и изображает человека, непосредственно предшествует вершине русского литературного развития в начале XIX в., подготавливая эту вершину, создавая существенные предпосылки для перехода в соответствующих историко-идеологических условиях к реализму Пупкина. Русский романтизм формируется как выражение антифеодального прогрессивно-буржуазного движения, которое, хотя и представлено в основном еще дворянами, но уже выражает — в каком бы то ни было преломлении — интересы и чаяния русского народа, демократических масс в конце XVIII—начале XIX в. Это движение развивается под заметным влиянием идей Просвещения XVIII в.»¹⁷³ и, мы добавили бы, отталкиваясь от классицизма и его нормативного искусства. «Русский романтизм в то же время, — продолжает Х. Шмидт, — по своей типологии и социально-исторической атрибуции ближе к польскому романтизму или же к романтизму немецкого периода „Бури и натиска“, с которым его соединяет утверждающий пафос борьбы за гражданское освобождение, за торжество прогрессивно-буржуазного идеала человека». ¹⁷⁴ Его появление Х. Шмидт датирует временем Карамзина.

Краковский литературовед Луциан Суханек,¹⁷⁵ основываясь на двенадцати категориях предромантизма, сформулированных немецким социологом-позитивистом Максом Вебером,¹⁷⁶ в своем докладе отмечает, что «как в русской литературе, так и в польской предромантизм появился позднее, чем в Западной Европе, что придает ему подражательный характер. В нем можно наблюдать два течения: первое — подготовительное, рассчитанное на развитие оригинальных произведений, создающихся, однако, не

¹⁷⁰ Slawische Kulturen in der Geschichte der europäischen Kulturen vom 18 bis zum 20 Jahrhundert: Internationaler Studienband / Hrsgb. von G. Ziegengeist. Red.: E.-U. Kloock, Ch. Lehmann-Schultze, R. Loew. Berlin, 1982 (См., например, доклады У. Леман, В. Кипарского, Р. Лайэра, Д. Шаховского, К. Трёгера и особенно Х. Шмидта).

¹⁷¹ Резюме докладов и письменных сообщений IX Международного съезда славистов в Киеве, 7—13 сентября 1983 г. М., 1983, с. 281—282.

¹⁷² Slawische Kulturen..., S. 187—192.

¹⁷³ Ibid., S. 187.

¹⁷⁴ Ibid., S. 188.

¹⁷⁵ Suchanek L. Preromantyzm w Rosji i w Polsce jako problem teoretyczny i historycznoliteracki. — In: Z polskich studiów slawistycznych: Literaturoznawstwo. Folklorystyka. Problematyka historyczna. Warszawa, 1983, s. 185—194.

¹⁷⁶ Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftlehre. Tübingen, 1951. Bd 1—2.

без влияния западной литературы»;¹⁷⁷ здесь имеется в виду оссианизм и юнгианство. Второе, окончательное, течение связывается польским исследователем с развитием русской готической повести и баллады.

Предромантизм — категория историческая. Она представляет собою с точки зрения общей теории систем совокупность движущихся и постоянно меняющихся историко-литературных и культурных явлений второй половины XVIII в., которые протянулись во времени от конца эпохи классицизма до начала эпохи романтизма и подготовили переход в литературе к общественному идеалу, опирающемуся на интересы народных масс, борющихся за буржуазно-демократическое преобразование страны.

Глубокое и всестороннее сравнительно-историческое изучение национальных европейских литератур и русской литературы XVIII—начала XIX в. со временем позволит найти и построить наиболее оптимальную и обоснованную модель историко-литературного процесса в России, в которой будут уточнены и сбалансированы все направления, стили и жанры эпохи предромантизма.

¹⁷⁷ Suchanek L. Preromantyzm w Rosji..., s. 191.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И НАЗВАНИЙ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ *

- А. М-ский 121, 122, 217
 «Рюрик» 121, 122
 Аввакум Петров 80, 82
 Августин Аврелий 71
 «Исповедь» 71
 Аддисон Д. 55
 Азар П.** 237
 Аксаков С. Т. 205
 Александр I 117, 118, 123, 208, 209, 220
 Александр Македонский 169
 Александр Невский 81, 133, 219, 223
 Алексеев М. П. 247, 248, 250, 265
 Алексеев-Попов В. С. 256
 Алексей Михайлович 224
 Анакреон 143, 144, 149, 187
 Анастасевич В. Г. 244
 «Письмо к другу из столицы» 244
 Андерсон М. С. 250
 Андерсон Р. Б. 271, 272
 Анненков П. В. 194
 Анненский И. Ф. 139
 Аракчеев А. А. 117
 Арндт Б. 252
 Архипова А. В. 215, 240, 246, 292
 Арцыбашев Н. С. 7
 «Рогнеда, или Разорение Полоцка» 7
 Ахингер Г. 257, 258
- Бабкин Д. С.* 48, 81, 82, 103, 253
 Багратион П. И. 210
 Багрянский М. И. 73
 Баджен Д. 256
 Базанов В. Г. 133, 134, 222, 228
 Байрон Д. Г. Н. 182, 184, 192
 «Падомничество Чайльд Гарольда» 184
 Баккаревич М. 161
 Бакунина Е. 207
 Бакунина Т. 263
 Бальдансперже Ф. 249
 Бальзак О. 30
 «Человеческая комедия» 30
 Баратынский Е. А. 184
- «Шуми, шуми с крутой вершины» 184
 Барков И. С. 18
 Барсков Я. Л. 41, 82
 Барсов А. А. 53
 Бартелеми Ж. Ж. 258
 Батте Ш. 54, 58, 275
 Батюшков К. Н. 2, 7, 17, 107, 139, 145, 149, 154—156, 184, 187, 188, 194, 195, 197, 199—201, 203—207, 209, 211, 221, 251
 «Веселый час» 199
 «Видение на берегах Леты» 204, 205
 «Воспоминания 1807 г.» 203
 «Из Греческой Антологии» 155
 «К друзьям» 206
 «К Гнедичу» 199
 «Мои пенаты» 155, 200, 201
 «Мысли о литературе» 156
 «На развалинах замка в Швеции» 207
 «Опыты в стихах и прозе» 200
 «Подражания древним» 149, 155
 «Предслава и Добрыня» 221
 «Прогулка по Москве» 155
 «Совет друзьям» 199
- Бахтин Н. 248
 Башилов С. 256
 «Новая Элоиза» Руссо, пер. 256
 Бегунов Ю. К. 237, 278, 292
 Беккарна Ч. 102
 Беккер Г. 270
 Белинский В. Г. 10, 11, 13, 14, 16, 61, 69, 147, 150, 154, 156, 173—176, 184, 185, 187, 189, 190, 192—194, 199, 200, 206, 211, 256
 Белозерская Н. 249
 Берк Э. 55, 58
 Беркен А. 61
 «Малые дети» 61
 Берков П. Н. 32, 34, 36, 39, 258, 260, 270
 Берглингер И. 183
 Бестужев-Марлинский А. А. 133, 134, 228, 229, 234, 235, 241

* Сост. Ю. К. Бегуновым.

** Курсивом выделены имена исследователей XIX—XX вв.